

АЛЛА ХОЛОД

ЖЕНЩИНА
перемен

ПСИХОЛОГИЯ

ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Алла Холод
Женщина перемен
Серия «Психология преступления»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39479858
Алла Холод Женщина перемен:
ISBN 978-5-04-096427-7

Аннотация

Жизнь талантливой оперной певицы Любви Полетаевой перевернулась в один миг, когда на нее напали, ограбили и жестоко избили. Сорвалась поездка на престижный международный конкурс, но это еще не самое страшное – Люба потеряла голос! А вместе с ним и смысл жизни. После нескольких лет в депрессии по совету подруги Полины она записалась на курсы психологической коррекции «Белая лилия». Занятия велись очень жестко: гуру унижал, оскорблял и высмеивал учеников, но Люба почувствовала себя более спокойно. И тут погибла Полина. Стало известно о странных смертях еще нескольких клиентов «Белой лилии». И Люба решила разобраться, что происходит на этих курсах. Возможно, именно это поможет ей найти себя...

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	90
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Алла Холод

Женщина перемен

Серия «Психология преступления. Детективы Аллы Холод»

ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

© Холод А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Часть первая

Много лет мне снится один и тот же сон. Детали в нем могут меняться, но смысл всегда один и тот же. Как и ощущения, с которыми я просыпаюсь. Я стою за кулисами, оркестр играет последние такты перед моим выходом на сцену. Сердце бьется учащенно, щеки пылают. Ноздри щекочет густой запах пудры. Поддерживая одной рукой край длинного платья, я делаю шаг на сцену, яркий свет слепит мне глаза. Передо мной – зрительский зал, но я вижу лишь дирижера, мой взгляд сфокусирован на кончике дирижерской палочки. Наступает самое волшебное мгновение. Я вдыхаю полной грудью и... С этого места в моем сне бывает по-разному. Иногда мне снится, что я забываю слова. Выхожу на сцену и начинаю мычать под музыку. Бессмысленный набор звуков, нелепую, бессмысленную абракадабру. Дирижер смотрит на меня с ужасом, из суфлерской будки раздается неистовый шепот, но я не разбираю слов, которые мне подсказывают. Я несу околесицу до тех пор, пока в зале не начинают раздаваться явственные смешки, постепенно переходящие в гомерический хохот. От стыда, отчаяния и ужаса я просыпаюсь. Иногда обстоятельства моего позора бывают другими. Например, начинается второй акт «Севильского цирюльника». Я появляюсь из своей гримерной, полностью готовая к выходу на сцену. В накладных волосах у меня – настоящий испан-

ский гребень, в руках – маленький веер, расшитый черными и золотыми блестками. Я на подъеме, возбуждение достигает своего пика, я испытываю непередаваемое наслаждение от полного единения с музыкой и с образом, который мне предстоит воплотить. Делаю шаг на сцену, и весь остальной мир перестает существовать. В следующую секунду я замираю, видя округлившиеся глаза дирижера и слыша гул голосов, доносящихся из оркестровой ямы. Я не сразу понимаю, в чем дело, и лишь через несколько секунд осознаю, что на мне надета лишь верхняя часть сценического костюма: жесткий лиф с глубоким декольте и стоячим черным кружевным воротничком. Нижней части костюма на мне нет. Я опускаю глаза и вижу себя в тончайших и совершенно прозрачных кружевных трусиках и чулках на толстой кружевной резинке. От ужаса я замираю и мгновенно просыпаюсь.

В то утро мне снился сон из этой же серии. Я видела себя в костюме Снегурочки из моей любимой оперы Римского-Корсакова. Я шагнула на сцену и только там поняла, что идет вовсе не «Снегурочка», а «Евгений Онегин», драматический момент арии Ленского перед дуэлью. Я, заплетаясь ногами в полах платья, бегу прочь, так и не поняв, как меня угораздило вылезти на сцену в таком наряде и в чужой опере. И почему сегодня идет «Онегин»? Я ведь только что, сидя у себя в примерной, слышала по внутреннему радио музыку Римского-Корсакова, а потом голос помрежа пригласил меня к выходу на сцену.

Бывало, что я выходила во сне на сцену и не узнавала музыку, а бывало, что мне снилось, будто я пою, но никто не слышит моего голоса. Я уже привыкла к таким снам, благо они прерываются на самом интересном месте, в самом начале моего позора. Я успеваю только осознать масштаб случившейся со мной катастрофы, но от того, чтобы погрузиться в свое унижение с головой, испытать его в полной мере, меня спасает пробуждение.

Я покрутилась в постели, прислушиваясь к своим физическим ощущениям. Они были неприятными: горло иссохло от жажды, подташнивало. Полдесятого утра, Максима уже давно нет дома, это здорово, не нужно мучиться, дожидаясь, пока он уйдет и предоставит мне возможность улучшить свое самочувствие.

Я прошлепала босыми ногами к платяному шкафу, уверенно отодвинула в сторону вешалки с пиджаками и кардиганами и нашарила сумку, прислоненную к задней стенке. Открыла замок и достала две 250-граммовые бутылочки припрятанного с вечера итальянского брЮта. Одну придется выпить теплой, ничего не поделаешь, другую я отнесу в морозилку, и к завтраку, пока я буду принимать душ, она успеет охладиться.

Я налила себе стакан просекко и медленно, со вкусом его выпила. Ну и что, что напиток теплый, зато газики немедленно прогнали жажду, а нежный вкус заставил меня испытать приятное ощущение. Хотя я знала, что это ненадолго.

Алкоголь мне давно уже не помогал. Вернее, на какое-то время расслаблял, делал голову пустой и отрешенной. Это ощущение пустоты поначалу показалось мне спасительным. Я словно поднималась с темного морского дна к солнцу, к свету. Но эти просветленные периоды со временем становились все короче. А действие моего лекарства стало все более привычным и предсказуемым. Целебные свойства алкоголя оказались ложными. Он перестал спасать меня, и на поверхность я уже не поднималась ни без бутылки, ни с нею вместе. Спиртное не стало лекарством, оно стало лишь проводником по нескончаемым, унылым коридорам моей депрессии. Бросить пить означало пойти по этим коридорам одной. В полном, кромешном, беспросветном одиночестве. А так как другой компании у меня не намечалось, я продолжала держать алкоголь за верного спутника, единственного, кто никогда не откажется от меня и не потеряет ко мне интерес.

Бедный Максим, нелегко ему, наверное, терпеть все это. Хотя, как все алкоголики, вынужденные скрывать свой образ жизни, я стала чрезвычайно изобретательной и хитрой. Максим знает, что я употребляю спиртное, скрыть это от человека, с которым живешь бок о бок, совершенно невозможно. Если даже тебя не выдадут глаза или заплетающийся язык, то обязательно выдаст запах. Скрыть его я не пытаюсь и ко всяким глупостям вроде «антиполицаев» и мятной жевательной резинки не прибегаю. Так что Максим знает, что я пью. Но я молю бога, чтобы он не знал, сколько я пью! В хо-

лодильнике у меня всегда стоит бутылка текилы, я прикладываюсь к ней и предлагаю ему. Мы лижем соль, чинно выпиваем по небольшому стаканчику, закусываем лаймом. Никакого криминала! Я упорно продвигаю в жизни такую версию: небольшое количество алкоголя благотворно влияет на мою ущербную психику. А соматическому здоровью маленькие дозы помешать не могут. На самом деле я устраиваю эти показательные прикладывания к текиле лишь для того, чтобы оправдать наличие алкогольного запаха. Основные дозы я принимаю сама, мне для этого совершенно не нужна компания. И уж тем более компания Максима. На самом деле, пока он смотрит телевизор, читает или разговаривает по телефону, я могу накидаться так, что буду еле стоять на ногах. Тогда я, чтобы не выдать себя, делаю вид, что читала и заснула с книжкой. Накрываюсь пледом и засыпаю, свернувшись клубком на диване в гостиной. Как правило, он меня не будит. Выключает бра и уходит спать в одиночестве. Иногда я встречаю его недоуменный взгляд: только что жена была трезвая, и вдруг... Это бывает, когда я совершаю какую-нибудь ошибку и выдаю себя своим поведением. Но я стараюсь следить за собой.

У меня множество тайников, в которых я держу алкоголь. Я покупаю в основном маленькие бутылочки. С ними удобно гулять, им нет замены в домашних условиях. И использованную тару я выбрасываю сразу же, как только Максим уходит из дома. В прошлом году я решила посетить клуб аноним-

ных алкоголиков, и там одна средних лет девушка рассказала историю развала своей семьи. Действовала она практически так же, как и я: покупала маленькие бутылочки, выпивала при муже одну, а остальными в гордом одиночестве доводила себя до состояния полного остолбенения. Ее непьющий муж заподозрил неладное, потому что дамочка чуть не каждый вечер ни с того ни с сего принималась буянить и устраивать сцены. Короче говоря, ее супруг случайно нашел стограммовую бутылку коньяка в коробке для специй. Тут его, видимо, осенило, и он перевернул вверх дном сначала шкаф своей жены, затем все, что попало ему под руку: сумки, косметички, пакеты с бельем. Отовсюду ему в руки сыпались пустые бутылочки. Осознав масштаб бедствия, он поставил вопрос ребром: либо жена лечится, либо развод. Она стала посещать общество анонимов, но не похоже было, что ее намерения серьезны. Как-то раз мы с ней выпили вместе, сидя в скверике. Скучная, пустая особа. Она не понимала, зачем бросать пить, как и не понимала, зачем пьет. Я забросила общество довольно скоро. В глазах каждого из тех, кто посещал мою группу, я видела одно неугасимое желание – желание выпить. Они старались, ломали себя, пытались разобраться каждый в своей проблеме. Но все равно хотели выпить. И, глядя на них, я поняла, что этот путь – не мой. Мне и без них достаточно искушений.

Что нужно лично мне, я не знала. Вернее, то, что мне нужно, попросту неосуществимо. Я не могу повернуть вспять

свою жизнь. Не могу вернуться туда, где еще не было никакого алкоголя. Где была подающая большие надежды девочка Любочка. Или туда, где уже царствовала прима оперного театра Любовь Полетаева, яркое лирико-колоратурное сопрано, высокая статная красавица с длинной шеей и пышной гривой блестящих каштановых волос. Та, в которую влюблялись все мужчины, вращавшиеся вокруг ее оси. Умненькая, правильная девочка. Веселая и общительная женщина. Теперь уже трудно представить, что когда-то я была такой.

Мое будущее определилось в тот день, когда в нашем доме получил квартиру дирижер оперного театра. Папа мой был начальником среднего звена в строительно-монтажном управлении, так что жили мы в хорошем по тем временам доме, с отдельными комнатами и раздельным, пусть и совсем крохотным, санузлом. Мама была рядовым университетским преподавателем, преуспевающим на ниве частного репетиторства. О своей жизненной перспективе я не очень задумывалась, полагая, что учиться нужно хорошо по всем предметам, чтобы обеспечить себе более широкий выбор после школы. Петь я любила, как говорится, для себя. И пела все подряд: романсы, песни, все, что брало меня за душу. Роберт Николаевич Серебряков услышал меня, потому что не услышать звонкое сопрано из-за тонких панельных стен было трудно. Сначала подшучивал надо мной, потом стал приглядываться. А в один прекрасный день зашел к нам домой и прямо так, с порога, и заявил родителям:

– Мне нужна ваша дочь, я должен ее послушать, – и увлек в свою квартиру.

Его жена Татьяна Григорьевна уже сидела за фортепиано, они заставляли меня петь гаммы, какие-то нехитрые упражнения, потом Татьяна Григорьевна спросила, что я люблю петь, и мы с ней исполнили «Калитку».

– Вам, Любочка, надо серьезно заниматься, – подытожил наш музыкальный вечер Роберт, – у вас потрясающие данные. Если вы не станете певицей, вы совершите преступление против самой себя.

Его слова перевернули всю мою жизнь. Пение было моей мечтой, недостижимой и недоступной, никак не связанной с реальностью. Я даже не представляла себе, что обладаю голосом, который достоин того, чтобы звучать с профессиональной сцены. У меня началась другая жизнь. Робкие протесты родителей были подавлены мною решительно и бесповоротно, я стала заниматься день и ночь. Роберт Николаевич отвел меня к педагогу, который должен был подготовить меня к поступлению в музыкальное училище, и папа, поддавшись на уговоры дирижера и видя мое рвение, согласился оплачивать занятия. Я поступила легко и училась с огромным удовольствием, делая большие успехи. Ежегодно наше музыкальное училище давало в областной филармонии отчетный концерт. Это было главное событие года, к нему готовились более тщательно, чем к экзаменам. Участие в отчетном концерте являлось официальным признанием успе-

ха. Оно возводило студента в ранг звезды, не говоря уж о том, что это был билет в вуз. Только лучшие студенты играли с областным симфоническим оркестром, в основном это были пианисты и скрипачи. Вокалистов на отчетный не допускали. Слишком сопливыми для этого были юные исполнители. Пианисты сначала проходят музыкальную школу, многие занимаются музыкой с 5–6 лет. К 18 годам некоторые созревают во вполне взрослых виртуозных музыкантов. Вокалисты в 18 только начинают учиться. На последнем курсе меня удостоили огромной чести – я прошла отборочный тур, и меня с арией Снегурочки поставили в программу отчетного концерта. Это был мой первый выход на сцену перед настоящей большой публикой. В тот день я испытала такой душевный подъем, такое гигантское счастье, ради повторения которого стоило жить. После окончания института искусств я пришла в нашу оперную труппу готовой звездой. Меня ждали, заманивали, опасаясь, что я могу попытаться счастья в каком-то более престижном театре. Но мыслей об этом у меня тогда не было. Я была так головокружительно влюблена!

Ничего необычного в нашей с Максимом истории не было: мы оказались в одной довольно пестрой компании на каком-то праздновании. Не помню, у кого и по какому поводу. Он пришел с товарищем, высоченным парнем, который во всем являл Максиму полную противоположность. Максим был немногословный, едва ли выше среднего роста, серьез-

ный, с русыми волосами, тонкими губами и модными очочками на носу. Чем-то он напомнил мне молодого Джона Леннона. Его товарищ Семен имел рост баскетболиста, у него было приятное лицо с широкими черными бровями, сильно вьющиеся темные волосы. Он постоянно шутил, каламбурил и довольно откровенно заглядывал мне в глаза. Кроме того, пил одну за другой, что не мешало ему ловко танцевать твист, совсем как на старых записях безумных шестидесятников. Максим на его фоне казался занудой. Однако когда под конец вечера на балконе он читал мне Пастернака, я посмотрела на него как-то иначе. Его влажные карие глаза были очень серьезными, и каждое произнесенное слово казалось мне каким-то очень весомым и значительным. С тех пор мы с ним не расставались, прилепившись друг к другу намертво. Лучше Максима не было никого на свете. Он слушал, как я пою, любовался моим лицом, развлекал меня, дарил цветы и книги, он был в курсе всех моих дел, от его внимания не могло ускользнуть даже облачко перемены в моем настроении. Он был потрясающе эрудирован, и мне никогда не бывало с ним скучно. Очень скоро я вообще не понимала, как могла жить до него. Он стал для меня верным другом, интересным собеседником, нежным любовником, лучшей подружкой, плакательной жилеткой, советчиком и психотерапевтом. А также внимательным и критичным слушателем и напарником по любому активному времяпровождению. Мы с Максимом стали неразлучны, и решение пожениться при-

шло само собой. Я знала, что нравлюсь Семену, и Максим был в курсе этого, но верный друг не пытался встать у нас на пути. Он разделял с нами наш досуг, а девушки рядом с ним менялись одна за другой, мы с Максимом даже не пытались к ним привыкнуть.

Максим только что окончил математический факультет и поначалу прозябал на маленьком окладе в закрытом научно-производственном объединении «Созвездие», работавшем на оборонку. Но работа по специальности не прельщала моего мужа, он говорил, что в наше время математик с хорошей головой должен уметь не считать, а просчитывать. И он искал, где мог бы продать подороже свои блестящие умственные способности. Пока он находился в метаниях и поисках, жили мы бедно, но очень весело. Зимой катались на лыжах, летом ездили с друзьями, в числе которых обязательно был и Сема с какой-нибудь очередной пассией, в Крым. Вечерами, если я была не занята в театре, играли в карты, смотрели фильмы, по выходным устраивали кулинарные вечеринки. Максим ходил в оперу, я вместе с ним на рок-концерты. И не было силы, которая могла бы разлучить нас хоть ненадолго. До определенного времени мы были абсолютно, безоблачно счастливы, но хроническое безденежье уже начало потихоньку отравлять нам жизнь. Мы не ссорились из-за денег, но у нас имелся общий повод для расстройства. И хотя мы утешали друг друга, надеясь на лучшее будущее, текущее настоящее, в котором нам приходилось во многом себе

отказывать, стало тесным, как сносившийся школьный пиджак. Мы оба, такие талантливые, умные, яркие, топтались на месте, ничем не улучшая свою жизнь в ее потребительском аспекте. И постепенно нас обоих стали угнетать обои, отклеивающиеся то тут, то там, наша старомодная мебель, мои дешевые тряпки, убогая шуба из мутона, машина Максима, по которой давно скучал пункт утилизации. Некоторые наши знакомые уже не по разу съездили в Египет и стали осваивать знаменитые европейские города и курорты, а мы каждый август по-прежнему катили в Крым, отмечая, что компания для этих поездок у нас сужается с каждым годом. И сами каникулы становились все более и более унылыми. Сема, служивший в милиции, переживал те же самые трудности, что и мы. Он по-прежнему заглядывал мне в глаза и украдкой, когда Максим не видел, подолгу пялился на меня, рассматривая так, будто видел впервые. Интересно, почему я тогда выбрала не его, а Максима? Как бы сложилась моя жизнь, если бы я сделала другой выбор? Как бы там ни было, а мне страстно хотелось увидеть мир, я грезила о Милане, о посещении «Ла Скала» и ужасно страдала от того, что нам не по карману даже самое малобюджетное путешествие в Италию. Максим, который не мог обеспечить мне этого, страдал едва ли не еще сильнее. Сема относился к материальным проблемам с присущими ему юмором и легкостью, считая, что это явление временное и у нас все еще впереди.

В конце 2008 года произошли два события, благодаря которым наша жизнь могла измениться в лучшую сторону. Мой умный и терпеливый муж наконец нашел интересную перспективную работу в какой-то частной кредитной организации. Он обрисовал ее лишь в общих чертах, и мне представилось нечто вроде очередной финансовой пирамиды. Я, естественно, испугалась, но Максим меня успокоил, убедив, что пирамиды ушли в прошлое, а кредитование вечно, меняться будет лишь упаковка пакета этих услуг. Я не стала ни спорить, ни пытаться вникнуть, и не только потому, что совсем ничего не понимаю в финансах. В моей жизни тоже наметился сдвиг. Супруга нашего нового губернатора оказалась активной покровительницей муз, и в нашем театре появился новый художественный руководитель. Дирижер столичного уровня и столичной же прописки. Его так и хотелось назвать маэстро: он был высок, статен, носил эспаньолку, изысканные шелковые шарфики под пиджаки, которым не было цены. Он был хорош гордой красотой немолодого испанского гранда. Столь холеного и породистого, что обращаться к нему по имени-отчеству казалось кощунственным. Так и хотелось сказать ему «синьор». Между тем звали его – Эдуард Альбертович Вошак. В городе он находился не постоянно, бывал наездами, решал важные вопросы и снова исчезал где-то в своем звездном пространстве. Однажды он вызвал меня в свой кабинет.

– На ваш счет, Любовь Николаевна, у меня есть особое

мнение, – начал худрук, называвший всех солистов по имени-отчеству, – присаживайтесь.

Он отодвинул от стола стул и жестом пригласил меня занять его. От волнения я чуть не плюхнулась мимо, вызвав у гранда едва заметную улыбку.

– Вы обладаете прекрасными данными, Любовь Николаевна, – начал он, заняв место напротив меня, – у вас прекрасный голос, и вы вполне зрелая певица. Кроме того, у вас есть достоинство, делающее вас весьма конкурентоспособной. Я имею в виду вашу внешность. И молодость. Скажу вам искренне: вы поразили меня своей красотой. Такое сочетание бесценно для оперной дивы. Вы понимаете, что я имею в виду? Оперная сцена не переполнена красавицами. Ваше имя вполне достойно показаться на афишах более престижной труппы, чем та, где мы имеем честь сегодня служить. Подойдите к моему компьютеру, прочтите открытую страницу.

Сердце мое колотилось, в горле пересохло. Что это? Пошлое ухаживание? Или он что-то действительно имеет в виду?

Я пересела на начальственный стул и уставилась на экран. Ах, вот он о чем!

– Поняли, о чем я? – сказал Эдуард Альбертович, поднимаясь со стула. – В будущем году в Лондоне будет проходить международный конкурс молодых исполнителей оперной музыки. Туда съезжаются дирижеры ведущих мировых сцен, там заключают контракты крупнейшие студии звукозаписи. Вам надо начинать подготовку немедленно, осталось

несколько месяцев, нужно торопиться. Педагога я вам дам. На следующей неделе он сможет приехать. Вы познакомитесь, и мы обсудим конкурсную программу. А пока вы дома тщательно изучите конкурсные требования и все такое.

– Я подумаю, – дрожащим голосом ответила я.

– Нет-нет, я не прошу вас подумать, – возразил дирижер, – вы обязаны принять участие. С вашим голосом и божественной внешностью думать не о чем. Это ваш шанс. Готовьтесь.

Я не решилась сказать Максиму сразу. Судя по его возбужденному виду, надежды на новую работу полностью оправдывались. Правда, он стал приходить позже, чем раньше, но вид у него был возбужденный, настроение приподнятое. Он начал строить какие-то планы, и, хотя не обещал, что они реализуются прямо завтра, кое-какие сдвиги в нашем положении уже наметились. Я перестала экономить на еде. И обувь к осенне-зимнему сезону мы с Максимом купили в дорогом итальянском магазине. «Это только начало», – приговаривал мой муж, он был так окрылен, что я никак не могла решиться сказать ему о том, что поеду на конкурс в Лондон. С момента нашей женитьбы мы не разлучались ни на один день. Лондон – еще полбеды. Вопрос, что будет дальше? Вдруг мной кто-нибудь заинтересуется? Что тогда?

Сказать, конечно, пришлось. Максим не сразу осознал услышанное и глубоко задумался. А потом спросил меня напрямую:

– Ты готова делать карьеру, жертвуя семьей?

– Я не собираюсь жертвовать семьей, Максим, но мне очень важно, чтобы меня признали. Важно достичь этого успеха.

– А зачем тебе здесь звание лауреата? – резонно заметил он.

– Как зачем?! – взвилась я. – Я же человек творческой профессии! Для меня успех – это вершина, к которой я стремлюсь, как всякий, понимаешь, всякий исполнитель! Любой! Любой на моем месте.

Мы спорили, даже ссорились, Максим добивался того, чтобы я подтвердила ему свое желание продолжить карьеру на другом, более высоком уровне. Я отказывалась, но его не убедила. В конце концов он просто сказал «ладно, поживем – увидим», и больше мы эту тему в негативном контексте не поднимали. Максим не досаждал мне, но и не успокоился, я это чувствовала по его настороженному взгляду, по тоскливым проблескам в глазах. Но я старалась ни о чем не думать, не отвлекаться. Я много и усердно работала. И чем больше усилий и вдохновения я вкладывала в проект, тем более замкнутым и отрешенным становился мой муж. Но мне хотелось в Лондон. Мне хотелось блистать. Мне хотелось победить. И я отмела все прочие мысли в сторону.

Несчастье случилось со мной за два дня до поездки в Москву на финальное прослушивание. Я была полностью

готова, уверена в себе. Эдуард Альбертович советовал мне употребить последние дни на отдых, прогулки в одиночестве, чтение приятной легкой литературы. Максим смирился с моим решением и тоже по-своему готовился. Мы собирались в выходные совершить поход по магазинам. Платья для выступлений были готовы, но мне требовалась приличная повседневная одежда. Все же ехать в Москву. Потом в Англию. Не в моих же обносках.

У Максима оказалось больше денег, чем я ожидала, и он купил мне тоненькую и почти невесомую курточку из шкурки пони. Она была очень элегантной, ничего подобного у меня до сих пор не было. Еще мы приобрели итальянскую сумку, трикотажный костюм, кардиган и водолазку из черного кружева. В обновках я выглядела великолепно. Особенно в черной блестящей курточке, к которой мы купили дорогущий шелковый шарфик, грязно-розовый, с рисунком. В конце концов мой ослепительный вид обошелся мне слишком дорого.

Я возвращалась из театра не очень поздно, но осенью темнеет рано, и мрак в нашем проходном дворе был кромешный. За мной никто не шел, я бы услышала, откуда выскочил этот проклятый наркоман, я так и не поняла. Я даже боль от удара почувствовала не сразу, сначала был шок. Он ударил меня один раз, потом другой. Из носа брызнула горячая струя крови. У меня перехватило дыхание. От неожиданности и ужаса я не могла ни увернуться, ни попытаться защи-

титься. Я даже не могла понять, откуда, с какой стороны на меня сыплются удары. Я видела только черный силуэт нападавшего – тощий, сутулый, голова покрыта капюшоном. Я упала на колени, он схватил меня и поднял, держа за горло. Потом выхватил из рук сумку и велел снимать шубу. В темноте он принял мою курточку за полушубок. Я сделала все, как он велел, он подобрал мои вещи и собрался было улепечивать, но напоследок схватил меня за горло:

– Не ори, – прошипел он.

От прикосновения его пальцев мое горло больно сжалось. Но он продолжал давить, сжимать его. В моем мозгу успела мелькнуть только одна мысль: «он маньяк», а пальцы продолжали сдавливать мою шею. Я захрипела, забила руками по воздуху, одной рукой зацепила его гнусную рожу, и он вскрикнул от боли. Это раздражило его еще сильнее. И он, выпустив мою шею, повалил меня на землю и начал остервенело пинать. Я и сейчас вспоминаю это с ужасом. И сейчас, когда страшное воспоминание вспыхивает в памяти, я задыхаюсь, словно мою шею передавливает чья-то рука. Проклятого наркомана спугнули случайные прохожие. Они же подняли меня с земли, попытались допытаться у меня, кто я и где живу. Телефон мой вместе с сумкой остался у грабителя. Я могла лишь пальцем показать на свой дом, затем на подъезд. Как меня довели до дома, я уже не помню, во мраке прошли и события последующих дней, которые я провела, переезжая из одного хирургического отделения в другое. Оказа-

лось, что сломанное ребро воткнулось мне в легкое, у меня случились одновременно пневмо- и гемоторакс. Затем я переместилась в отделение челюстно-лицевой хирургии. Максим был при мне неотступно. Меня оперировали, откачивали кровь из легкого, перевязывали, кололи, лечили, опять оперировали и опять перевязывали. Меня восстанавливали. У Семена обнаружили какие-то влиятельные друзья с обширными связями в медицинском мире, и со мной возились наши светила – сначала хирурги, а потом и психотерапевты. Они исправили сломанную челюсть, сломанное ребро постепенно срослось само собой. Но кое с чем они справиться так и не смогли. Только вернувшись домой после больницы, я осознала всю глубину постигшего меня несчастья. Преступник не повредил мои связки, я могла говорить. Но я больше не могла петь. Мы с Максимом не верили в случившееся. Пробовали – и ничего не получалось. Мы, обнявшись, плакали, не в силах поверить в катастрофу. Потом он заставлял меня пробовать еще и еще. Все бесполезно. Мой голосовой аппарат отказывался подчиняться.

Не знаю, насколько усердно искали преступника, и нашли бы его вообще, если бы судьба не настигла его раньше. Когда я вышла из больницы, меня пригласили на опознание моих вещей. Я узнала свою сумку с почти целым содержимым, телефон. Даже куртку он не успел продать. Исчез только кошелек с деньгами. Сам грабитель к этому моменту был уже неделю как мертв. В полиции мне рассказали, что умер он от

передозировки героина, причем у следствия было подозрение, что смертельную дозу он ввел себе не сам. Кто-то был в его квартире. Видимо, еще какой-то нарк. Непонятно только, почему он не взял мою одежду и вещи. Но этим вопросом вряд ли кто-то стал задаваться всерьез. Максим не скрывал мрачного злорадства, мне же было все равно. Какая разница, жив ли он, мертв ли? Главное, что я мертва.

Полгода я усердно посещала врачей, которых мне находили знакомые, коллеги, Сема, Максим и его родственники. Принимала лекарства. Проходила какие-то сеансы. Весной Максим, видя тщетность моих усилий, решил отправить меня на отдых и лечение в Карловы Вары. Он решил, что удаленность от места трагедии, полный покой, новая обстановка успокоят меня. Сам он поехать раньше лета никуда не мог, и со мной отправилась его мама, очень тихая и спокойная женщина. Она мне совершенно не мешала, не лезла с сочувствием, не навязывала свою компанию. Там, в Чехии, я пристрастилась к местному ликеру – бехеровке. Я заказывала в кафе кружку темного пива и рюмочку ликера. Мне нравилось сочетание этих, казалось бы, несочетаемых вкусов. Потом я стала брать две рюмочки, потом три. И обнаружила, что под воздействием алкоголя моя голова заполняется блаженной пустотой. Выпивка притупляла невыносимую боль, делала смазанными страшные воспоминания. Но главное, под воздействием алкоголя меня переставало тер-

зать невыносимое желание. Желание петь. Напившись, я забывалась, ни о чем не думая. Ничего не желая.

На протяжении пяти лет Максим делал множество попыток вернуть мне интерес к жизни. Он предлагал родить или хотя бы усыновить ребенка, освоить новую профессию, но его усилия были тщетны. Максим быстро рос, его дела шли в гору, мы переехали в новую квартиру – огромные, просторные, светлые апартаменты на высоком этаже нового элитного дома. Из наших окон открывался захватывающий вид на водохранилище, храмы, набережную. Единственным, что меня хоть сколько-то радовало, – были путешествия, и в один прекрасный момент Семен разродился гениальной идеей: мне нужно открыть свою собственную турфирму! Он к тому времени наконец женился на хорошенькой девушке по имени Лариса. Казалось, что она целые дни проводит в заботах о своей внешности – у нее были идеальные волосы, кожа, фигура опытной посетительницы фитнес-залов. Лариса была совсем необременительна в поведении, болтала о тряпках и ресторанах, усиленно пила брют, и было совершенно непонятно, как она ухитряется заниматься каким-то бизнесом. Разговаривать о работе и деньгах она категорически отказывалась, и мы просто приняли ее род занятий как некую данность, которая существует в каком-то параллельном измерении. Лариса тоже принялась уговаривать меня насчет турфирмы – это ведь так безумно интересно! Я же прекрасно

понимала, что в бизнесе ни черта не смыслю и Максиму придется заниматься делами самому или нанимать исполнителя, который и будет фактическим руководителем. А на меня в фирме станут смотреть как на никчемную дуру, которую трудяга-муж не знает, чем развлечь-ублажить.

Со временем Максим бросил свои попытки увлечь меня хоть чем-нибудь, да ему и некогда было, я думаю. Он действительно сделал большие успехи. Как он зарабатывал деньги, я так и не поняла, знала только, что он дослужился до полноправного партнера в растущей инвестиционной компании. Семен бросил работу в полиции и организовал свой собственный бизнес – охранное агентство, которое тоже росло не по дням, а по часам. Жизнь шла своим чередом. У всех, кроме меня. Для меня она остановилась, превратилась в кучку пепла, которую может развеять самое нежное прикосновение летнего ветерка. Порой мне очень хотелось спросить Максима, любит ли он меня по-прежнему, но у меня не хватало смелости. А если он замешкается в поисках правильного ответа, если станет прятать глаза, если начнет врать? Ведь я же почувствую. И тогда мне не останется совсем ничего.

Чтобы хоть как-то оправдать свое существование, я стала заниматься благотворительностью, помогать фонду «Жизнь», который собирает деньги для тяжелобольных детей. Вместе с другими волонтерами я ездила проверять семьи, обратившиеся за помощью, работала с их документами,

вела переписку с медицинскими учреждениями и средствами массовой информации, которые нам помогают. Таких волонтеров в фонде много, и моя работа не отнимала у меня много времени. Я занимаюсь этим, чтобы было что предъяснить Максиму, чтобы он верил, что я жива и интересуюсь жизнью. Чтобы не думал обо мне как об инвалиде, которым я, по сути, и являюсь. Это причиняет ему боль, а я не хочу делать ему больно.

Со второй порцией брюта было давно покончено, пора было собираться на улицу. Я выглянула в окно, погода стояла уже по-настоящему осенняя, вода водохранилища дрожала мелкими злыми волнами. Небо было в рваных грязных облаках, но, даже несмотря на явную непогожесть дня, провести его в четырех стенах и напиться в одиночку мне не улыбалось. Я надела пальто и вышла на улицу, в тот момент еще ничто не предвещало, что этот день будет совсем не таким, как бесчисленное число других дней последних семи лет моей жизни.

День выдался ветреный и довольно холодный. Тучи то расступались, ненадолго пропуская яркие, но не греющие солнечные лучи, то снова смыкались, нагоняя ветер, в обнимку с которым кружили вездесущая городская пыль и опавшие листья. Иногда порывы были такими сильными, что заставляли меня остановиться и задержать дыхание; пыль норовила попасть в глаза, и я зажмуривалась, пережидая, по-

ка атмосфера прекратит бесноваться. Люди перемещались по улицам быстрым шагом, высоко подняв воротники пальто, по их озабоченным лицам было видно, что из дома их выгнали исключительно важные дела, которые никак нельзя отложить на потом. У меня не было никакого дела, и я не могла бы ответить, какой черт понес меня на улицу в такую погоду. Проходя мимо какого-то магазина, я засмотрелась на свое отражение в стекле широкой витрины. Там отразилась более чем хорошо упакованная дамочка в удобном теплом плаще от «Барберри» и ботиночках «Балдинини». Длинная стильная челка скрывает тяжеловатые веки. С виду ни за что не скажешь, что со мной что-то не так! Вроде как успешная модная мадам спешит из офиса или бутика к своему припаркованному поблизости авто. При взгляде на меня никому, наверное, и в голову не придет, какое я ничемное беспомощное существо. Слабачка. Алкоголичка, не нашедшая никакого другого способа преодолеть жизненные трудности. Дура, не достойная своего мужа. Угрюмая пессимистка, отторгнувшая всех друзей и подруг только потому, что они живут и радуются жизни. И ведь никто не бросил меня после того, что со мной случилось, напротив, друзья хотели помочь, поддерживали, что-то советовали, но пустота, образовавшаяся внутри меня, со временем вытолкнула все: их заботу, ласку, сочувствие и понимание. Мне нужно было остаться одной в своем горе. Упиваться своей ненужностью и бессмысленностью. Друзья и подруги, вздыхая и пожимая

плечами, отдалялись от меня один за другим, одна за другой. И теперь я одна. Разве не этого я хотела?

Я бродила, ежась от осеннего ветра, пока не потекло из носа. Бесцельное шатание по улицам для меня все-таки имеет свою конечную цель: рано или поздно я нахожу заведение, перед которым останавливаюсь. Погожим летним днем я люблю бывать в чешском ресторане, где с удовольствием пью темное пиво и свою любимую бежеровку, закусывая жареным сыром или теплым салатом. В холодное время года меня может потянуть в большой торговый центр, на последнем этаже которого находится модный ресторан русской кухни. Там я ем борщ, телячьи щечки или щучьи котлеты. И непременно пью водку, стоит ли об этом упоминать? Но чаще всего, если дело белым днем, я делаю свой выбор в пользу европейской кухни – французской или итальянской. И даже не из-за меню, которое, впрочем, меня во всем устраивает, а из-за красного вина. Согласитесь, это очень удобно. Если я выпью днем слишком много крепкого, к возвращению Максима от меня уже мало что останется. А вино действует на меня щадяще, его я могу выпить сколько угодно и не запьянеть. Почти не запьянеть. Более крепкие напитки я оставляю себе на поздний вечер. Они перестали помогать от тоски, но продолжают служить верным средством от бессонницы. Не вырубив себя хорошей дозой виски, я могу прометаться без сна всю ночь.

Атмосферное давление стремительно падало, о чем мне

все более настойчиво сообщали сосуды головного мозга. Голову сдавило, к горлу подступила тошнота. Мой организм сигнализировал о том, что ему немедленно требуются большой бокал сухого красного вина и горячая пища. Утром, после душа, никакого другого попутчика, кроме йогурта, шампанское брать с собой не захотело, и теперь я сильно проголодалась. С неба посыпалась мелкая крупа, но я сделала последнее усилие, преодолела последние десятки метров до спасительного уюта моей любимой забегаловки на французский манер. Это приятное кафе, расположенное в самом центре города, называется «Абазур» – на каждом его столике стоит настольная лампа под темно-вишневым покрывалом. На первом этаже за прозрачным стеклом витрины крутятся в медленном танце безе, маленькие пирожные с вишенкой, корзиночки с клубникой и бисквиты. Умопомрачительно пахнет кофе, корицей и свежей выпечкой. В «Абазуре» всегда толчется много народу, и потому первый этаж я проскальзываю бесплотной тенью. Не люблю встречать старых знакомых. Не знаю, все ли люди так устроены или только те, что попадают на моем жизненном пути, но почему-то все без исключения, встретив кого-то, кого давно не видели, спрашивают: «Ну где ты сейчас?» Это их святой долг. Это их неперемный ритуал. Никто не интересуется, «как твое здоровье?», не спрашивает, «как настроение?» «Ну, ты где?» – вот что интересует всех и каждого. Под этим они подразумевают одно и то же – место работы. Так формулируется во-

прос «где ты работаешь?». Меня тошнит от этого вопроса. Его задают первым, чтобы понять, имеет ли смысл задавать какие-то другие. О чем разговаривать, например, с мелким служащим? И стоит ли он того, чтобы тратить на него драгоценное время?

Впрочем, мне плевать, что движет другими людьми. Я не осуждаю их, никому не завидую, никого не жалею. Я просто уклоняюсь от общения с ними. Они мне не нужны.

На втором этаже «Абажура» не бывает шумных компаний, лишь у входа в этот зал имеются два столика на четыре персоны, остальные рассчитаны на двоих. Я углубляюсь в самый дальний угол, сажусь к окну, включаю настольную лампу. Здесь всегда играет тихая музыка – популярная классика или французский шансон. Местные официанты уже знают меня и сразу спрашивают, что я буду заказывать, – у меня нет нужды изучать меню.

Я сняла свой утепленный плащ, устроилась за столиком, и через несколько минут передо мной уже стоял пузатый бокал с бордо.

Я заказала крем-суп из брокколи, салат с уткой и в ожидании заказа сосредоточилась на вине. Когда я допью этот бокал, официант принесет мне следующий. Он знает, что я стесняюсь сидеть за столиком в одиночестве с бутылкой вина, поэтому заказываю бокалами. В итоге я выпью не меньше бутылки, а может, и больше. Но одинокая дама с бокалом не бросается в глаза окружающим так, как дама с бутылкой...

Я выбрала крепкий сорт, терпкое тринадцатиградусное вино, благотворно действующее на сосуды, жадно сделала первые глотки и стала смотреть на улицу. Мелкая белая крупа неслась прямо в лица прохожим, асфальт мгновенно стал мокрым, движение машин замедлилось. Если непогода разойдется, скоро в городе начнется транспортный коллапс, такое бывает у нас всегда в дождь и снег.

Сегодня у меня с собой не было ни книжки, ни газеты, которые я иногда читаю для видимости, чтобы не чувствовать себя одинокой там, куда обычно ходят как минимум вдвоем. Да и изображать что-то было не перед кем, собственно говоря. Зал второго этажа был почти пуст. У входа расположилась компания, и через столик от меня сидела такая же одинокая горемычная дамочка.

Как же я допустила, что черная дыра поглотила меня целиком? Я что, одна-единственная во всем мире стала жертвой преступления? Я одна потеряла профессию, которую любила? В мире полно одиноких сирот, инвалидов, потерявших конечности на войнах и в быту, есть тяжелобольные, которые мужественно борются со своими недугами. Есть люди, потерявшие самых любимых и близких и тем не менее находящие в себе силы сопротивляться отчаянию. Почему же я не смогла? Почему опустила руки? Я искала ответ на этот вопрос, и когда-то, уже давно, батюшка в церкви, которую я обычно посещала, сказал мне, что дело не в обстоя-

тельстввах жизни, а в моей гордыне, которая повелевает моими мыслями и поступками. Он сказал, что я видела себя только звездой, только прямой и не допускала даже мысли о том, что моя судьба может сложиться как-то иначе. Что Господь, возможно, уготовил мне какое-то совсем иное предназначение. Батюшка сказал, что ниспосланное мне испытание должно укрепить мой дух, и, если я хочу вернуться к жизни, я должна усмирить свою гордыню. Он не ругал меня, жалел, велел приходить почаще, но я отвергла и его помощь. Я вообще перестала ходить в церковь. Во мне только креп стержень саморазрушения – пути, который я выбрала добровольно и почти осознанно. И алкоголь оказался на этом пути очень ценным и эффективным помощником.

Мои мысли бесцеремонно прервала оркестровая тема из «Кармен». Я встрепенулась, отозвавшись на знакомые звуки, которые умолкли так же внезапно, как и возникли. Оказалось, это всего лишь мелодия на мобильном телефоне той дамочки, что пристроилась через столик от меня. Она поспешно ответила на звонок, запустила руку с трубкой под спадающие на плечи прямые волосы и молча слушала собеседника. Сейчас редко кто устанавливает на свой мобильник классическую музыку, и мне в кои-то веки стало любопытно. Мне принесли крем-суп, и я почти прикончила его, пока дама вела беседу по телефону. Вернее, беседой это назвать было трудно, она что-то слушала, вставляя лишь «ГМГ», «ГМГ», кивала, потом вдруг спохватилась, вскинулась, бросилась ис-

кать что-то в своей сумочке.

– Сейчас, подожди минуточку, у меня нет ручки, – сказала она в трубку.

Женщина устремила взгляд туда, где находится официант, но его на месте не было – он спустился вниз за очередным блюдом. Тогда незнакомка повернулась ко мне.

– Простите, у вас нет ручки? – умоляюще прошептала она. – Мне буквально на минутку.

Я пошарила в сумке и в боковом кармашке безошибочно нашла искомый предмет.

Женщина поблагодарила и стала записывать что-то на салфетке. Ограничившись вместо прощания выражением «ну ладно», она нажала отбой.

– Когда нужна, никогда ее нет, – извиняющимся тоном объяснила она, возвращая мне мою ручку. – Большое спасибо.

– У тебя не только ручки, но и блокнота нет, – заметила я, – впрочем, ты всегда была такой. Ничуть не изменилась.

В первую секунду женщина дернулась, ее рука машинально потянулась к сумочке, похоже было, что она готова сию секунду убежать куда глаза глядят. На ее лице отразился неподдельный испуг, будто она увидела привидение или наемного убийцу. Но по мере узнавания морщинка на лбу стала разглаживаться, женщина облегченно вздохнула.

– О боже, Любочка, это ты, не ожидала тебя увидеть, – смутилась Полина Самохина, моя знакомая из далекого про-

шлого.

Мы с Полей не дружили какой-то своей отдельной дружкой, но учились на одном курсе музыкального училища, вращались в одной компании, виделись каждый день и знали друг о друге все. Потом, после выпуска, пути наши разошлись. Самохина не стала дальше заниматься музыкой, нашла себя на каком-то другом поприще, мне когда-то рассказывали, на каком именно, но я, признаться, забыла. А может, и не рассказывали, не знаю. Прошрое стало таким расплывчатым, таким зыбким, его черты неузнаваемо исказились в моем теперешнем восприятии, и я уже с трудом могу различить, что было на самом деле, а что мне только казалось. Но я, по всей видимости, осталась узнаваемой, и если бы не Полинины испуг и замешательство, наверное, было бы заметно, что она рада меня видеть.

А вот ее трудно было узнать. Насколько я помню Самохину, она всегда была тоненькой и изящной, но в каждом ее движении ощущались энергия и грация. Она была как натянутая струна, такая же звонкая, живая. Яркая была девушка, компанейская. Кроме того, хорошая пианистка, музыкальная душа. Сейчас из Полинки словно выпустили дух. Она осталась в той же весовой категории, но теперь ее хотелось назвать не изящной, а скорее сухой. Она была элегантно и очень дорого одета, но лицо ее выпустило все сочные краски и как будто подтаяло, оставив на щеках вместо румянца легкую голубоватость прозрачной кожи. Озорные глаза сде-

лались какими-то запавшими, под ними залегли тени. В ее облике появилось что-то такое, что, может быть, и незаметно окружающим, но я чувствую безошибочно. Надломленность чувствовалась в ее осанке и посадке головы, во всем облике ее была какая-то хрупкость или даже ломкость. Кажется, что вот сделай одно неосторожное движение – и Полины не будет, она просто перестанет существовать. Чутьем, натренированным за долгие семь лет, я безошибочно почувствовала в ней жертву. И мне нестерпимо захотелось прижаться к открывшемуся для меня источнику чужого страдания. Я, как изголодавшийся по свежей крови вампир, налетела на нее в надежде припасть губами к чужой тайне, выпить глоток чужой боли, чтобы хоть на мгновение облегчить собственную.

Полина отозвалась на мое приглашение охотно, без угворов. Пересев на стул за моим столиком, она заметно расслабилась, словно избежав какой-то опасности, и через минуту даже вымученно улыбнулась. Без малейшего намека на эмоции, деловито и коротко я рассказала ей свою историю: о подготовке к конкурсу, о том роковом вечере, когда на меня напал проклятый наркоман, о безуспешных попытках вернуть голос, об отчаянии и смертной тоске, которая охватила меня и не позволила вернуться к нормальной жизни, о своей сегодняшней хронической бесполезности, которую я пытаюсь побороть работой в благотворительном фонде, о пьянстве, которое меня пугает все больше и больше. Во время моего рассказа Полина не поднимала глаз, не задавала

уточняющих вопросов, только делала по маленькому глотку белого рома, который я заказала по случаю нашей встречи. Когда я заканчивала, я уже была твердо уверена, что она готова. Как только я умолкну, как только мы, не чокаясь, выпьем, она расскажет мне о себе.

– Тебе легче, – сказала Поля, полностью оправдывая ожидания, – твой муж на твоей стороне, он поддерживает тебя, ничего от тебя не требует.

– А у тебя проблемы с мужем? – осторожно начала я, подталкивая ее к началу рассказа.

– Наверное, это нельзя назвать проблемой, – пожала плечами Поля, – это что-то другое...

Она подняла на меня глаза, в которых было столько отчаяния, что мне на секунду стало неловко от того, что я так жадно жду от нее признаний, и стыдно за свои воспоминания семилетней давности, о которых нормальный человек уже давно забыл бы и жил дальше.

– Мой муж хочет меня убить, – просто сказала Поля, – и я не знаю, проблема это или нет.

Полькина история оказалась, на мой взгляд, совсем не сложной. После музыкального училища она не прошла по конкурсу в институт искусств и решила посвятить год подготовке к осуществлению повторной попытки. Но нужно было на что-то жить и чем-то оплачивать репетиторов, и она устроилась секретаршей в фирму, которую открывал старый приятель ее старшей сестры, Олег Большаков. До тех пор он

мотался за шмотками и парфюмерией в Эмираты, держал несколько киосков на мини-рынке. Но в какой-то момент заработанного хватило на участие в более солидном коммерческом предприятии. Первой ступенькой для Олега стала организация официально зарегистрированного, оборудованного мини-рынка. Он произвел благоустройство территории, создал торговые места и стал сдавать их в аренду. Польку он взял работать к себе в офис – крошечную бытовку, где была каморка директора с одним столом и двумя стульями и «приемная», в которой помещался Полькин рабочий стол, стул, шкафчик для бумаг и тумбочка для чайных принадлежностей. Больше сотрудников у Олега не было. Неожиданно для самой себя Полина втянулась в работу: принимала арендаторов, охмуряла пожарных, пила ликерами дамочек из СЭС. Скоро она стала у Олега за все про все, и он повысил ей зарплату. У Полины появились деньги на репетиторов, но стало не хватать времени. А еще чуть позже она с ужасом констатировала, что и желания тоже. Мини-рынок расширился. Это было такое время, когда народ массово шел в торговлю – зарабатывать в городе, в котором практически встала промышленность, было больше нечем. Через год их совместной с Олегом работы вокруг овощного рынка образовались ряды с недовольственными товарами – район расстраивался. Место становилось популярнее день ото дня. Работа с Олегом начала приносить Поле реальные деньги, тем более что она взяла в свои руки практически все исполнитель-

ное руководство его фирмой. Скоро Олег уже не мыслил себя без Полины. Она держала в своих музыкальных пальчиках все текущие дела, следила, чтобы он вовремя питался и не опаздывал на встречи. Она сделалась настолько незамеченной, что настал момент, когда Олег доверил ей не только работу, но и самого себя. Поля и Олег прожили в браке десять счастливых лет. Они всюду были вместе: на работе, дома, на отдыхе. Полина стала полноправным участником бизнеса, в который вкладывала много сил. Постепенно мини-рынок превратился в довольно большую и популярную в городе торговую площадку, и Олегу стали поступать предложения построить на ее месте крытую торговую ярмарку. После продолжительных торгов и мучительных сомнений было решено предложение принять, и настояла на этом решении именно Полина. Параллельно Олег стал развивать сеть быстрого питания: ставил киоски с упакованными обедами, открывал кулинарные отделы в крупных магазинах. Полине казалось, что общее дело скрепило их с Олегом союз навсегда, она думала, что супруги, живущие общими интересами, – уже больше, чем семья. Правда, в их отношениях никогда не было любовного трепета, но Полина считала, что без бабочек в животе прожить можно. Крепкая дружная семья важнее. Оказалось, это мнение было ошибочным. Олегу требовалась не только боевая подруга, надежное плечо и партнер по бизнесу – в 40-летнем возрасте он влюбился как мальчишка. С Полиной поступил по-честному: выделил ей

ее долю – щедрою и честно заслуженную. В общем, Полина, разобравшись в себе, пришла к выводу, что мир не рухнул и жизнь не кончилась. Она молодая обеспеченная дама. У нее есть надежный бизнес, собственность, а крушение семьи – это тоже ведь как посмотреть... Олег прав: романтизма, страсти, порыва в их отношениях действительно никогда не было. Эта область осталась для Поли тайной за семью печатями. Она не была эмоционально холодной, вовсе нет, просто обстоятельства жизни оказались такими.

К началу рассказа о втором браке Полина скисла. То ли начал действовать баккарди, то ли эти события были еще слишком свежи и оттого болезненны. Ее откровения путались, перескакивали с одного на другое, но я поняла главное: Полинка, будучи совершенно неопытной в отношениях с мужчинами, поскользнулась на ровном месте. Ее второй муж, смазливый пижон, разыгрывающий из себя этакого альфа-самца в курятнике, в два счета обвел вокруг пальца разочарованную богатую разведенку. Полинка, никогда прежде не влюблявшаяся, растаяла, поплыла, сочла оргазмы, которыми он ее одаривал, достаточным основанием для того, чтобы доверить ему не только свое сердце, но и состояние. Можно набить руку в бизнесе, но при этом остаться непроходимой дурехой – это Полина поняла довольно поздно, уже после того, как в кризисный период, когда ей требовалось обанкротить одну из своих фирм, оформила часть собствен-

ности на второго мужа. Когда выяснилось, что ее сладкий мальчик Славик – проходимец и лжец, одну из сделок ей удалось отыграть назад, остальную имущественную массу она решила возвращать через суд. Муж изображал вечную любовь, клялся в преданности, но, похоже, стал соображать, что из христовой пазухи, каковой для него был брак с Полиной, ему придется выбираться на божий свет, находясь в обнаженном виде. Полина была полна решимости закончить отношения и оставить своего мужа в том же финансовом состоянии, в каком он ей достался, – то есть на полном нуле.

– Он не хочет со мной судиться, – подытожила свой рассказ Полина, – я хоть и дура, но не совсем. Я же имущество ему не дарила, я заключала фиктивные сделки и сейчас все могу отыграть назад. А он бестолочь, танцор, понимаешь, что это такое? Он ничего не смыслит в документах, он в суд даже не сунется!

Полинка опрокинула рюмку рома, а вилку с поддетым кусочком кроличьей печенки до рта так и не донесла – аккуратно положила назад в тарелку. Я решительно отодвинула от нее графинчик.

– Пока ты не поешь, мы замолкаем, и я тебя не слушаю, – решительно заявила я. – Я имею право выпить, я свою порцию почти доела, а ты не притронешься к рому, пока не съешь хотя бы половину.

– У меня с аппетитом как-то слабовато, – промямлила Поля, отодвигая тоненькими пальчиками тарелку.

– Вижу, ты уже вся прозрачная и синяя, как замороженный цыпленок, – согласилась я, – но с этим надо кончать. Ты до чего себя хочешь довести? До больницы? Или берешь прицел сразу на кладбище? Так ему только того и надо.

– Я боюсь есть дома, – призналась Поля, – один раз я уже отравилась. Теперь вот по вечерам почти не ем. Оттого и похудела.

– А почему ты не съедешь от него?

– Так это он должен съехать! А его до развода из моей квартиры ничем не вышибешь.

– А прочему ты решила, что он хочет тебя убить? – осторожно поинтересовалась я. – Это из-за отравления, да?

Полина вздохнула, ее глаза увлажнились, губы задрожали. Я сжалилась и налила ей рюмку, поддела изумительно нежной кусок печенки и протянула. Она выпила, пожевала и прошептала:

– Если бы ты видела его глаза, ты бы сама все поняла. Ну а кроме того...

Недавно Полина пришла домой неожиданно и увидела свою входную дверь открытой. В прихожей горел свет и слышался голос мужа. Через минуту ей стало понятно, что Славик собирается выходить из квартиры и суетится где-то рядом с дверью, попутно разговаривая по телефону.

– Я тебе обещаю, что скоро с ней закончу, – слышался его голос. – Ты мне веришь? Разве я тебя обманывал? Очень скоро все кончится. За меня можешь не волноваться, я же не

дурак. Я уже все продумал, тебе осталось подождать совсем немного. Я тебе обещаю.

Полина замерла, затем на цыпочках, чтобы не производить никакого шума, стала пятиться назад, в сторону лестницы. Она успела бесшумно спуститься на два этажа, когда дверь ее квартиры захлопнулась и муж стал проворачивать в замке ключ. Когда они «случайно» встретились, он был уверен, что Поля зашла в подъезд уже после окончания его телефонного разговора.

– Он имел в виду меня, – объяснила Полина, глотая слезы. – То, что он собирается «закончить», – это не что иное, как моя жизнь. Я уже замок в ванной сделала, закрываюсь теперь, когда купаюсь. А то он еще фен бросит в воду – и до свидания.

Выговорившись, Поля стала ковырять вилкой свое блюдо, и я молчала, боясь спугнуть ее аппетит. Неожиданно она в две минуты умяла почти все. Видимо, еда не доставляет ей больше удовольствия, и она просто исполняет необходимую процедуру. Надо же, Поля оказалась такой легко обучаемой, освоила новую сферу деятельности, пусть преуспела в бизнесе не она, а ее первый муж, но ведь и Полькина заслуга в этом была. Как дотошного исполнителя, во всяком случае. Да и потом, оставшись одна, она не растерялась, не прокутила и не растеряла то, что оставил ей Олег, показала выдержку, а тут, перед каким-то сопливым жиголом, сломалась. Исхудала, издергалась, балансирует на грани нервного срыва.

И ведь она уже поняла, что он ничтожество, от любви уже не осталось и следа, так почему же она так надломлена? От страха за свою жизнь? Я подождала, пока обнажится дно ее тарелки, и налила нам еще по рюмочке рома.

– Давай съедим чего-нибудь сладенького, – предложила я.

На самом деле я отметила, что мы обе, и я, и Полина, неумолимо пьянеем. А мне нужно было еще донести себя до дома и успеть вздремнуть до прихода Максима.

– Давай, – согласилась она, – закажи на свой вкус.

– Знаешь, Поля, – решительно начала я, подождав, пока официант удалится за пирожными, – так оставлять нельзя. Ты просто не дотянешь до развода и суда. Не знаю, с чего ты взяла, что тебе что-то угрожает, но тебе виднее, в конце концов, это ты с ним живешь, а не я. Может, так оно и есть. А может, ты себя накручиваешь, и угроза существует только в твоём обостренном воображении. Но как бы то ни было, ты должна эту ситуацию прояснить, иначе сойдешь с ума еще до всяких там судов. Ты взрослая самостоятельная женщина, у тебя есть средства, найми частных детективов, что ли! Сейчас на рынке множество подобных услуг. По крайней мере, ты будешь иметь ответ на свой вопрос, действительно он способен на какой-то серьезный поступок в отношении тебя или тебе это кажется. Я бы еще и заявление в полицию написала на всякий случай. Мало ли что? Они же обязаны будут отреагировать, значит, его опросят, он поймет, что ты разгадала его намерения. И побоится что-то с тобой сделать!

Полина слушала меня, и постепенно глаза ее оживлялись. Щеки слегка порозовели.

– Я уже приняла меры безопасности, – сказала она, загадочно улыбнувшись. – А немножко раскисла, потому что пришлось все вспоминать, чтобы рассказать тебе... Ну чтобы тебе было все понятно. Но я не собираюсь сидеть сложа руки и дожидаться, пока он включит мне ночью газ. Или еще что-нибудь сделает.

– Ты уверена? Тебе есть кому помочь? – облегченно вздохнула я.

– Да, – уверенно кивнула Поля, – я в очень надежных руках. Ты даже не представляешь, в насколько надежных.

– Ты уже обратилась в полицию? Или к частникам?

– Мне не с чем идти в полицию, – стала объяснять Поля, – у меня одни подозрения. И какие? То, что он смотрит на меня с ненавистью? Что он говорил с кем-то по телефону? Ну допустим, в одной ссоре он угрожал мне практически в открытую, когда сильно разозлился, но эти слова слышала только я. Свидетелей у меня нет. С чем мне идти в полицию? Мною никто не будет заниматься. Меня просто засмеют.

– Но они же обязаны будут его допросить, а значит, он будет знать, что ты в курсе его намерений, – настаивала я. – Он же не идиот, будет понимать, что если с тобой что-то действительно случится, то подозрение падет на него.

– Подозрение, может, и падет. Но если он умело все подготовит, то дальше подозрения дело не пойдет. Своим заяв-

лением в полицию я просто заставлю его как можно лучше и тщательнее все продумать.

– Так кто же тогда тебя защитит?

Полина не спешила отвечать, и я подумала, что у нее, возможно, появился некий друг, на помощь которого она рассчитывает. А рассказывать о нем постороннему человеку ей не очень хочется. И это можно понять. Три года назад Славик тоже казался ей отчаянно влюбленным, а вот что из всего этого вышло. Где гарантия, что история не повторится вновь? Полина, может быть, и уверена, что не повторится, но не убеждать же в этом кого-то еще! Тем более случайную собутыльницу, знакомую из далекого прошлого, которую в следующий раз она увидит еще лет через несколько.

Наша бутылка баккарди между тем почти опустела, и мы, не сговариваясь, стали делать знаки официанту.

– Еще по чуть-чуть? – уточнила Поля. – Под пирожные.

– Давай по чуть-чуть, – согласилась я.

Следующий глоток рома был той самой каплей, которой не хватало для того, чтобы Поля решилась мне довериться.

– Полгода назад я записалась на один тренинг, – начала она, отпив из бокала, – мне тогда было очень тоскливо – я узнала, что Славик мне изменяет, было так больно, что я задыхалась. У меня все плыло перед глазами, такая депрессуха навалилась, что я ничего не хотела делать. Работать не хотела, все валилось из рук. Меня в моем же магазине обули на десять тысяч долларов, а мне было все равно, представ-

ляешь? Мой же старший менеджер меня обворовал, а мне хоть бы что! Еще немного, и я потеряла бы все, разорилась бы к чертовой матери. Дальше еще хуже: вставать с постели не хотелось, жрать перестала, в общем, ты меня понимаешь. Бегать по подружкам и лить сопли – не вариант, я быстро всем надоела бы с этим нытьем, у людей своих проблем полно. В общем, кто-то мне подсказал, что есть психологические тренинги, где людей учат выходить из кризисных ситуаций. Ну, я и подумала: чем черт не шутит? А вдруг мне какое-нибудь откровение явится? Может, я в себе чего-то не понимаю? Может, есть какие-то специальные приемы, которые помогают людям побеждать депрессию, обретать себя заново? Короче говоря, я пошла. Вначале, конечно, в шоке была, думала, у меня вообще голова разорвется. Полная чушь, бред, дикость.

– Бросила? – с нетерпением встряла я.

– Подожди, – отрицательно помотала головой Поля. – Вначале я была в ужасе и шоке, и мне хотелось бежать оттуда куда глаза глядят...

Но уйти с курсов Поля не смогла ни через неделю, ни через месяц. Какая-то непонятная сила влекла ее на занятия. То, чем они занимались на уроках, вызывало в ней поочередно то дикое возмущение, то отвращение, то жгучий стыд. Она чувствовала себя то подопытным кроликом, то пустоголовой куклой, она понимала, что ее загружают какой-то чудовищной, опасной ахинеей, которая вызывает сильней-

ший эмоциональный стресс, но как зомби продолжала вновь и вновь возвращаться на курсы, каждый раз обещая себе, что это занятие будет последним. Поля продолжала негодовать и злиться на себя, но в какой-то момент пришла к неожиданному выводу: она больше не думает об измене Славика. Она перестала, включив «невидимку», заходить в соцсети на профиль его подруги и разглядывать ее фотографии. Она больше не пыталась поймать мужа на лжи, которую он сливал ей, когда бегал на встречи со своей любовницей. Она не обнюхивала его одежду, ища посторонние женские запахи. Дальше произошло нечто еще более удивительное: ее смазливый мальчик Славик перестал казаться ей красивым. Поля была очень привязана к своему первому мужу Олегу, она уважала его, он был ей дорог и близок, но женской любви она к нему не испытывала. Можно обмануть весь мир, но женщину в себе не обманешь. Со Славиком все получилось наоборот: по сути, это был совершенно чужой приبلудный парень, моложе нее на пять лет, с которым у нее не было ничего общего. Но она хотела его. Так хотела, как никогда и никого ни до него, ни после. Ее сводила с ума ленивая грация его движений, его восхитительный животный запах. Она дрожала, глядя на его губы, такие чувственные, так красиво прорисованные. Ей хотелось бесконечного поцелуя, бесконечной близости. Ревность, которую она испытывала, узнав, что у Славика есть молодая красивая подружка, была настолько болезненной, что вытеснила все остальные чувства и мысли. Кон-

чилось все это в один день, и Славик безошибочно угадал это по Полиным глазам. Он был все тот же, но волшебство любви исчезло. Она не только перестала его желать, ее стало безумно раздражать его присутствие. И тогда она легко и без предисловий сообщила ему о своем намерении расторгнуть брак. На следующий день Полина уволила своего старшего менеджера и вернулась на работу. За время своей депрессии она сильно похудела, и теперь ей предстояло набрать прежнюю форму, но так, чтобы не перестараться. Ей уже стало казаться, что жизнь скоро вернется в свое прежнее русло, но Славик оказался не так прост. Первым мрачным открытием было то, что он потерял власть над своей женой. Второе сообщили ему юристы. Имущество, которое он уже считал своим, Полина передавала ему на условиях сделки, которую сейчас совершенно спокойно может признать в суде ничтожной. У Славика не оставалось практически никаких шансов выйти из этого супружества с каким-нибудь существенным прибытком. Шикарная квартира в коттедже на четырех хозяев была приобретена Полиной до брака, вся собственность, которую она имела, также досталась ей в результате раздела имущества с бывшим мужем задолго до знакомства со Славиком. Единственное, что второй муж мог оставить себе, – это машину, двухлетнюю «пятерку» «БМВ», которую Поля подарила ему на тридцатилетие. Полинка не стала рассказывать во всех подробностях, почему у нее сложилось стойкое убеждение в том, что Славик замыслил что-то страшное, я и

так ей поверила. Морок сошел, передо мной сидела вполне разумная взрослая женщина, но сломленная обстоятельствами, растерянная, лихорадочно ищущая выход из положения.

– Так ты сказала, что знаешь, кто мог бы тебе помочь, – напомнила я.

– Да, – встrepенулась Полина, – я вообще-то не должна этого никому говорить, но тебе скажу. Я вернулась.

– Куда? – не поняла я.

– Понимаешь, курсы для меня тогда кончились, – зашептала Полина, будто ее могли подслушать, – я могла уйти, почувствовав, что моя проблема решена. Но я поняла, что проблема не решена, вернее, решена только часть проблемы, и мне нельзя никуда уходить. Это единственное место, где мне могут помочь. Я закончила первый уровень и теперь могу переходить на второй. И вот я приняла решение. Я останусь там. И там мне помогут. Ты не думай, я не пьяная. Я понимаю, что говорю.

Я с презрением отношусь к тренингам, ко всяким там методикам самопознания и тому подобной белиберде. Я никогда не покупаю ничего распространяемого через сетевой маркетинг. Никому не удастся увлечь меня новейшей теорией сыроедения или еще какого-нибудь оздоровления или очищения организма. Я не боюсь нейролингвистического воздействия, потому что никогда не вступаю в разговор с незнакомцами. Я никогда не обращусь к услугам коуча. Я никому не позволю себя учить, лезть в мою жизнь и уж тем

более в мое сознание. Я такая, и если я сама не смогла себя переделать, то и никому другому не позволю. Полинка производит впечатление сугубо практического человека. И то, что она бросила занятия музыкой, чтобы найти себя в торговле, лишний раз это подтверждает. Странно, что она могла попасться на удочку к каким-то шарлатанам. Впрочем, одна мысль все же засела занозой в моей не совсем трезвой голове: Полина ведь смогла избавиться от наваждения, выпасть из зависимости от второго мужа. Она преодолела эту депрессию, и если сейчас она не в лучшей форме, так и проблема у нее нешуточная. Каково это – каждый день возвращаться домой, зная, что там тебя ждет человек, желающий твоей смерти?

Полина категорически отказалась отвечать на вопросы о самом тренинге и о том, что она и другие участники группы делали на занятиях. «На словах это будет выглядеть ужасно, – пояснила она. – Они ломают человека, разбирают его буквально по кускам, а потом собирают заново. Этого не перескажешь. Обо всем нужно судить по результату». А результаты, как она утверждала, были у всех, кто приходил в группу. Понятно, что счастливым и довольным жизнью на курсах делать было нечего, туда обращались люди, имеющие какую-то серьезную проблему, с которой не могли справиться самостоятельно.

– Я не верю во все это, – сказала я, тем не менее внима-

тельно выслушав Полинкину историю. – Но кто знает? Может быть, если бы мне в свое время попались такие вот курсы, я бы тоже смогла что-то с собой сделать.

– А сейчас ты что с собой сделала? – усмехнулась Поля. – Разве сейчас твоя проблема решена?

– Нет, не решена, – честно ответила я. – Я так и не нашла себя ни в какой другой профессии, от всех отдалилась, мне стало скучно жить. Я стала пессимисткой, занудой и алкоголичкой. Когда все это надоест моему Максиму, это будет конец. Я все это понимаю.

– И ты ничего не хочешь изменить?

– Это невозможно, Поля, – покачала головой я, – просто нереально. Я несколько лет угробила на всю эту возню со своими мыслями и чувствами, на попытки восстановиться. Максим из кожи вон лез, чтобы привести меня в чувство. Поверь, я тебя не обманываю. Мне действительно ничего не помогло.

– Твой Максим кто по специальности? – спросила Поля.

– По образованию он математик, работает в финансовой сфере, – объяснила я, – он руководитель и партнер в инвестиционной компании.

– А... – саркастически протянула Полина. – А я-то думала, что он специалист в вопросах кризиса личности.

– Он не специалист, конечно, – парировала я, – но он мой муж, он меня любит и желает мне добра. Это гораздо больше, чем быть специалистом.

– Не думаю, – отрезала Полина. – Откуда тебе знать, может, как раз оттого, что он слишком близко и слишком тебя любит, он не способен тебе помочь? Он щадит тебя, бережет, охраняет. И прежде всего от тебя же самой, от твоих страхов, твоих мыслей. А тебе, может быть, нужно совсем другое. Может, тебе нужна шоковая терапия, может, твою личность нужно полностью разрушить, раз уж она так деградировала, и создать на ее месте новую. Ты об этом никогда не думала? Близкий человек этого не сможет, он тебя слишком любит, чтобы резать по живому.

Ее слова как-то странно во мне отозвались. Вроде бы Полина несла полную ахинею, но что-то заставило меня задуматься. Если терапевтическое лечение не помогает, человек медленно угасает и это становится очевидно, то у него два пути: либо удалить больной орган, если это возможно, либо умереть. Может ли такая же логика работать, если речь идет о душе? Надо признать состоявшимся фактом то, что разрушение моей карьеры уничтожило меня как личность, что моя гордыня не позволила мне сразу признать факт поражения и попытаться начать жить заново, когда это еще было возможно. Я запустила свою болезнь, я упивалась своим безразличием и сломленностью, не понимая, что постепенно дохожу до точки невозврата. Теперь, когда эта точка пройдена, мне остается одно из двух: либо совершить последнюю попытку, либо пустить свою жизнь под откос окончательно. Думаю, закончится все довольно быстро. Я надоела самой

себе, а значит, и Максим, скорее всего, держится из последних сил. Долго мое падение продолжаться не может, в один прекрасный день я напьюсь и выпадну из окна своей прекрасной квартиры. Или замерзну на лавочке в сквере, и, когда меня найдут, из кармана моей шубы вывалится пустая бутылка из-под коньяка. Меня передернуло, так живо я представила себе эту картину.

– А если я захочу прийти на эти тренинги, как мне это сделать? – неожиданно для самой себя спросила я.

– Я дам тебе рекомендацию, – отозвалась Полина, – лучше всего сделаем так. Я напишу записку нашему руководителю и отдам ее тебе. Если ты надумаешь, ты пойдешь к ней и покажешь эту записку. Если нет, выбросишь ее в мусорку.

– А пойти с тобой мне нельзя? – робко промямлила я.

– В принципе, можно, но это то же самое, что пойти одной. Я смогу лишь представить тебя, и все. Ты новичок, с тобой будут заниматься как с новым членом. А я закончила первый уровень, у меня теперь другие задачи, и мной будут заниматься другие люди.

– Ты говорила, – кивнула я, – я помню. Но ты не сказала, как твои тренинги соотносятся с твоей новой проблемой. Одно дело, когда тебе нужно победить депрессию, в общем, что-то, связанное с твоей личностью. Но у тебя же сейчас проблемы с другим человеком, с твоим мужем. И проблемы-то больше юридического характера. При чем тут твои курсы, не пойму.

– Я могу объяснить тебе в двух словах, – ответила Полина.

Если коротко, то организация, о которой она мне рассказывала, не ограничивается проведением тренингов по преодолению личностных проблем. Люди, которые прошли начальный курс, могут покинуть организацию, а могут перейти на вторую ступень, стать ее постоянным членом, войти в круг избранных.

– Смысл заключается в том, что самые достойные, самые сильные, те, кто захотел перейти на вторую ступень, перестают быть учениками и переходят в следующую категорию – наставников. Смысл в том, что, войдя в эту общность, ты перестаешь быть сам по себе. Тебе помогают. Причем помогают во всем. Это может быть связано с решением любой жизненной проблемы.

– А что требуют взамен? – не удержалась я.

– Все это очень сложно, – уклонилась от ответа Полина, – и в двух словах не расскажешь. К тому же я не имею права об этом говорить. Если ты станешь одной из нас, ты сама со временем все узнаешь. А если нет, то тебе эта информация ни к чему. В общем, давай свою ручку и листок, я напишу тебе записку. А ты подумай и реши сама, нужна тебе помощь или нет. Хочешь ли ты попробовать еще раз.

Я достала из сумки ручку, но чистого листочка ни у одной из нас не оказалось. Мы попросили у официанта счет и чистый лист бумаги. Минуты две Полина старательно выводила буквы, потом сложила листок вчетверо. В углу она мел-

кими буквами написала адрес.

– Что-то мне подсказывает, что мы с тобой скоро увидимся, – сказала она.

Мне оставалось только пожать плечами:

– Не исключено.

– Подумай, Любочка, – сказала Поля мне на прощание, – хуже, чем сейчас, тебе уже не будет. А в жизни существует множество вещей, о которых мы ничего не знаем и в которых не разбираемся. Но если не знаем, это не значит, что их нет. Я чувствую, что моя черная полоса заканчивается, мне остался один шаг, и я стану свободным человеком. Но огромный путь я уже прошла. И ты пройдешь, если найдешь в себе силы начать.

Она влажно чмокнула меня на прощание, погладила по голове, и мы расстались, каждая сев в свое такси. Я пообещала себе обдумать все на трезвую голову. А пока надо было торопиться домой. Выпить крепкого кофе, залезть под горячий душ, принять невинный домашний вид. К приходу Максима я должна быть в форме.

По дороге домой мне не повезло: я застряла в пробке, в которой меня незаметно развезло, и, выйдя на свежий воздух, я почувствовала себя неуверенно. Рассказ Полины выжигал мне мозг, и, вместо того чтобы выпрыгнуть из такси прямо в свой подъезд, я замешкалась на какую-то минуточку, которой вполне хватило для того, что изменить траекто-

рию движения. Отчаянно сопротивляясь ветру, швырившему мне в лицо хлопья мокрого снега, я побежала к ближайшему магазину, где купила бутылку коньяку. Домой я прибежала с мокрой от влаги и лопающейся от мыслей головой. Быстро приняла душ и заняла горизонтальное положение, предварительно проделав две манипуляции. Я нашла в аптечном ящике биопарокс, чтобы перед приходом Максима пустить ядовитую струю себе в нос – свежим его запах просто сшибает с ног. И перелила коньяк из большой бутылки в пустую стограммовую. На прикроватном столике я создала натюрморт: поставила большую чашку чая, вазочку малинового конфитюра, биопарокс и слегка початую стограммовку. Я оглядела творение рук своих и даже взвизгнула от восхищения собственной изобретательностью. Все выглядело так, будто я пришла домой с непогоды, заметила простудные явления, приняла срочные меры для борьбы с надвигающейся простудой: чай с малиной и коньяком и спрей-антибиотик. Бутылку я спрятала в своем шкафу, предварительно ее почти ополовинив.

Трюк сработал, Максим погладил меня по голове, наклонился, чтобы поцеловать, но я ловко увернулась: мало того что я сопливая, так, может, еще и заразная. Он не стал настаивать.

– А я хотел пригласить тебя завтра в ресторан, – огорченно сказал он, – я предварительно договорился с Панюковыми, они заказали столик в «Русском стиле», думал, ты обра-

дуешься. Все-таки твой любимый ресторан. Но теперь, видимо, придется все отложить.

– Раз договорился, это уже неудобно, – с сомнением в голосе, которое далось мне нелегко, ответила я, – я не хочу разрушать компанию. И потом, я же не при смерти, правда? Биопарокс на меня очень активно действует, и домашние средства помогают. Я до завтра очухаюсь, вот увидишь. Главное – задушить болезнь в зародыше.

– Ты уверена? – улыбнулся Максим. – Не хотелось бы, чтобы ты для всеобщего развлечения жертвовала своим здоровьем.

– До завтра все пройдет, я приму меры, – пообещала я.

– Хорошо, принимай, души в зародыше свою простуду, а там посмотрим, – согласился Максим.

Пятницу я просидела тихо как мышка. Сема и Лариса Панюковы продолжали оставаться нашими самыми близкими друзьями, и расстраивать компанию мне не хотелось. В последнее время Сема, бизнес которого разрастался, стал пересекаться с Максимом и по работе, я замечала, что они часто обсуждают какие-то общие дела, назначают встречи с одними и теми же людьми. Для меня Сема остался не только самым близким, но и практически единственным другом. К Ларисе я относилась легко, разговаривая с ней, можно было ни о чем не думать, и постепенно я привыкла к ней как к части Семиной жизни. Для меня она была настоящим подарком.

ком: во время совместных поездок на курорты и походов в рестораны мне не приходилось грустить, изображать невинность и ждать, когда все это кончится. Лариса пила вместе со мной со вкусом и большим удовольствием, и в ее компании я наклюкивалась на совершенно законных основаниях. Ради того, чтобы Максим не отменил поход в мой любимый ресторан, я вела себя как хорошая девочка. Версию о простуде нужно было поддерживать, и я осталась дома. Это далось мне легко, поскольку вчерашний коньяк, уютно расположившись в платяном шкафу, ждал моего нежного прикосновения. Выходить на улицу было незачем.

Субботний вечер удался на славу, Сема Панюков, большой поклонник русской кухни, всегда заказывает больше блюд, чем может съесть сам, и начинает активно угощать ими окружающих. В общем, наш стол оказался переполнен, и это выглядело достаточным оправданием тому, что водки тоже было много. Мой Максим пьет, как воробей, поэтому доза, рассчитанная на четверых, распределилась практически между тремя. Потом мы еще добавили, и очнулась я только на следующее утро. Благодарение богу, к полудню Панюковы заехали к нам. Семен был за рулем, потому злился, торопился и подгонял жену, которая в моем лице жалобно искала компанию для поправки здоровья. Мы с ней выпили бутылку шампанского, и Лариса наотрез отказалась уходить, уютно расположившись на моем любимом диване. Не доставшись до жены, Сема поставил автомобиль на ближайшую

платную парковку и присоединился к нам.

Субботние возлияния имеют для меня плохие последствия, если выходные Максим безвылазно проводит дома. Квартира у нас большая, нам не приходится сидеть друг у друга на головах, мы имеем и свое личное пространство. у нас общие спальня и гостиная, плюс у каждого есть своя комната. Но Максим в любую минуту может позвать меня посмотреть фильм, попросить сварить кофе или пожарить гренки. Или еще что-нибудь. Пить открыто, прямо у него на глазах, я не могу, мне нужно маскироваться, что-то изобретать, придумывать какие-то уважительные причины. Переживать похмелье без лечения алкоголем мне тяжело, так что визит Панюковых пришелся очень кстати. Можно было не маяться в муках, под благовидным предлогом бегая на улицу, чтобы потом бояться притронуться к своей добыче и ходить вокруг нее кругами, прислушиваясь к звукам из комнаты, где Максим смотрел телевизор. Мы перекусили заказанными в ресторане роллами, после чего Максим повез Панюковых домой, а я, оставшись одна, вздохнула свободно.

За окном пошел первый в этом году настоящий снег. Не мерзкие мокрые хлопья, которые швыряет тебе в лицо промозглый ветер – с неба падали ленивые, крупные, искрящиеся в свете фонарей снежинки. Они ложились на асфальт и не таяли, а покрывали его ровным белым пушком. Я отодвинула кухонную штору и невольно залюбовалась зрелищем ясного, спокойного снежного вечера. Поднесла к губам рюм-

ку с ароматным чешским ликером и вдруг горько заплакала. Алкоголь сменил милость на гнев, показал обратную сторону своего воздействия. Неужели в моей жизни больше ничего не будет? Молчаливая жалость Максима меня больше не обманывает. Его любви больше нет, ее поглотило беспомощное сочувствие и ответственность перед человеком, которого нельзя бросить. Куда делась моя собственная любовь, я не знаю, я ее не искала. Первое острое страдание заставило ее потесниться, последующая глухая тоска заполнила остальное пространство. И если прежние чувства еще посылали робкие сигналы, я сознательно глушила их, чтобы не оставлять внутри себя ничего живого.

Я смотрела на падающий снег и плакала. Полина права: хуже, чем сейчас, мне уже не будет. Надо сделать еще одну попытку. Не возлагая никаких особых надежд, чтобы потом не попасть под новую волну отчаяния, не строя никаких планов, ибо они могут оказаться несбыточными. И даже Максиму рассказывать об этом не надо. Я не склонна самообманываться и верить в чудеса. Чтобы все это попробовать, есть только одно, но железное «за»: мне все равно больше нечего делать.

Я представляла себе новое современное офисное здание, возможно, с ужасными синими зеркальными окнами вместо обычных стекол, которые так любят архитекторы нашего города, не имеющие вкуса и фантазии. С парадного входа на

этом деловом центре красуются таблички с названиями располагающихся тут контор и фирм, но обязательно имеется и вход со двора. Несколько ступенек, переговорное устройство перед массивной железной дверью. И никакой вывески (кому надо, тот найдет). По адресу, торопливо начертанному Полинкиной уже нетвердой к тому времени рукой, я никак не могла понять, к какому именно зданию относится номер дома. Я хорошо знаю центральную часть города и была уверена, что мне досконально знаком любой переулок. Улица Орджоникидзе – короткая и тихая улочка в историческом центре, как теперь называют еще не попавшую под строительный ковш небольшую часть центрального района. Самые новые здания на этой улице относятся к сталинской эпохе, есть и более старинные постройки, и даже исторические памятники, один из которых являет собой образец того, как необходимо относиться к архитектурному наследию. Это великолепный, идеально отреставрированный жилой дом, который в городе называют «домом с львиными головами». Несколько лет назад его облюбовал один наш местный депутатствующий олигарх. В то время как другие исторические здания чахли и медленно превращались в пыль, он ухитрился заложить в бюджет города какие-то баснословные миллионы на капитальный ремонт, о чем писали в свое время все местные газеты, и эта недвижимость приобрела неподъемную цену. Примеру олигарха последовали детишки каких-то важнейших сановников, потом кто-то еще. Этот дом, пожа-

луй, самое примечательное место на улице Орджоникидзе. Никаких современных офисных центров я там припомнить не могла.

Я пошла по адресу, не будучи уверенной даже в том, что вообще решусь зайти внутрь. Но оделась на всякий случай строго и дорого, чтобы не производить впечатления дурехи, готовой отдаться на охмурение первому попавшемуся шарлатану. Не стану скрывать, что примерно за пять минут хода до нужного места я стала испытывать волнение, и это давно забытое ощущение подняло из глубин моей памяти воспоминание о минутах, предшествовавших выходу на сцену. Я всегда волновалась, но это было живительное чувство. Мое волнение не было страхом того, что я забуду свою партию или перепутаю мизансцену. Оно было совсем иной природы: оно с бешеной скоростью гнало кровь, вводило меня в особое состояние, предшествующее главному моменту – погружению в мир спектакля. На сцене я уже находилась словно под воздействием наркотика, я была в другом мире. Идеальном, совершенном. Мое волнение было предчувствием необыкновенно сладкого и восхитительного погружения в этот мир. Когда я перестала выходить на сцену, вместе с этими волшебными ощущениями из меня стала уходить жизнь.

Слабый отблеск давно забытого чувства смутил меня. Я прогнала щекотнувшую меня глупую надежду и стала с недоумением осматриваться: дома с нужным номером на улице Орджоникидзе не было. Я прошлась вдоль улицы несколько

раз, прежде чем поняла, что между 12-м и 14-м домами есть тропинка, ведущая куда-то вглубь двора. Там и приютился особнячок 12 «а», как было указано в Полинкиной записке. Я ступала по свежевывавшему снегу осторожно, как ходят, когда стараются не шуметь. Внезапно я ощутила, что к этому небольшому двухэтажному особнячку манит какая-то невероятная сила.

Здание было сложено из кирпича двух цветов – серого и желтого. Отдельные вставки по углам дома и вокруг окон были фигурными, с претензией на какую-то архитектурную мысль. Крыша имитировала черепицу, на ней красовался декоративный флюгер с игривым петушком. В детстве у меня была любимая книжка, она называлась «Площадь картонных часов». Я была совершенно очарована даже не самой историей про картонных человечков, проживающих в картонном городе, и их взаимоотношениями с обычными людьми. Меня завораживали иллюстрации. Я могла подолгу разглядывать какой-нибудь картонный домик с фонарем перед закругленной входной дверью, шторы на окошке и мотылька, выщегося перед светильником. Девочкой мне казалось, что жилища картонных человечков олицетворяют уют, тепло и безопасность настоящего дома. Я могла часами просиживать над книгой, представляя себе внутреннее убранство этих домиков, витающие в них вкусные домашние запахи. Внезапно на меня нахлынуло детское воспоминание. Нет, особнячок не напоминал иллюстрации в детской книге, но было в нем

нечто неуловимо притягательное, что напомнило мне о ней. То ли входная дверь со слегка скругленной верхушкой, то ли форма окон, то ли свет, пробивающийся сквозь плотные шторы. Мне вдруг отчетливо представилось, что там, за этими мягкими занавесками, тепло и уютно, там мягкие ковровые дорожки и тусклые светильники на стенах. Там удобные кресла, пальмы в кадках и пахнет кофе с корицей. И словно в подтверждение моих мыслей в одном из еще не зашторенных окон загорелся свет, и я увидела вошедшую в просторный кабинет женщину, а за ней еще одну. Обе были без верхней одежды. Одна из женщин подошла к стоящему на столе компьютеру, другая открыла дверцу шкафчика и принялась что-то искать. Через несколько секунд она поставила на стол чашки и вазочку, в которую вытряхнула из пакета печенье. «Сейчас они будут пить чай или кофе», – подумала я, и мне вдруг стало ужасно одиноко в этом чужом дворе.

Я решительно извлекла записку, которую мне оставила Полина, и стала нажимать на кнопки телефона.

– Альбина Николаевна? – решительно начала я, когда мне ответил мягкий женский голос.

– Да, я вас слушаю.

– Ваш телефон мне дала Полина Самохина, моя старая приятельница, она передала и записку для вас, – на одном дыхании выпалила я. – Мы могли бы с вами встретиться?

– Минуточку, я посмотрю свое расписание, – ответила женщина. – Завтра в два вас устроит?

– В принципе, да, – разочарованно пробормотала я, но тут же спохватилась. – Но мне бы очень хотелось прийти к вам сегодня. Это возможно? Дело в том, что я нахожусь рядом с вами.

– А завтра вы уже не сможете прийти?

– Смогу, если не передумаю...

– Я вас поняла, – отозвалась Альбина Николаевна. – Рядом – это где? Вы знаете, сколько вам нужно времени, чтобы дойти до нас?

– Я во дворе, я уже пришла, – призналась я. – Если у вас есть свободная минутка...

– Хорошо, – сказала моя собеседница, – я сейчас открою вам дверь, подходите к крылечку.

Я нажала отбой и с неистово колотящимся сердцем зашагала к дверям дома номер 12 «а». Через минуту дверь открылась, и меня пустили внутрь.

Альбина Николаевна благоухала «Герленом», но это все, что я смогла о ней понять. Голос у нее был очень «взрослый», хорошо поставленный, с властными интонациями, но осанка и движения выдавали молодую женщину. Альбина Николаевна завела меня в гардеробную, достала плечики и протянула руку к моей меховой куртке.

– У нас тут чужих не бывает, – улыбнулась она, – можете не волноваться. Мы все здесь раздеваемся.

Одежды в гардеробной было немного: на плечиках висе-

ло несколько женских и мужских пальто, пара фирменных спортивных курток, чей-то белый норковый полушубок. Все вещи были дорогими, это бросалось в глаза.

– Сейчас нет групповых занятий, они начнутся через час, поэтому народу у нас немного. Но лучше запомните, где вы повесили свою одежду, потому что скоро придут люди, и вы будете долго искать.

Я повиновалась.

– Групповые занятия у нас проходят на втором этаже, – продолжала Альбина Николаевна, – а индивидуальные собеседования и консультации – здесь, на первом. Следуйте за мной.

Внутри особнячка все было именно так, как я себе и представляла, стоя во дворе. Мягкие ковровые дорожки, светлые ненавязчивые обои, изящные бра на стенах. По обе стороны коридора располагались двери кабинетов. Они перемежались небольшими холлами, в которых стояли кресла и напольные растения. Я насчитала три таких холла, ибо Альбина вела меня в самый дальний конец особняка. Наконец мы остановились перед запертой дверью, моя спутница вынула из кармашка пиджака пластиковую карточку, вставила ее в электронное устройство и посторонилась, пропуская меня внутрь.

– Прошу вас, располагайтесь, – сказала она.

Кабинет у Альбины оказался светлый и уютный. У окна раскинулась огромная пальма ховея, она занимала очень

много пространства, но хозяйку кабинета это, видимо, не смущало. Пальме здесь наверняка была отведена своя особенная роль. У Альбины Николаевны был письменный стол с ноутбуком, но судя по идеальной, чуть ли не девственной чистоте, царящей на нем, она пользовалась им не слишком активно. В противоположном от окна углу стоял стеклянный чайный столик необычной формы с двумя мягкими креслами, Альбина Николаевна указала мне на одно из них.

– Вы пришли несколько неожиданно, – сказала хозяйка кабинета, – поэтому я попрошу вас несколько минут подождать, пока я сделаю телефонный звонок.

– Не беспокойтесь, я не спешу, – проговорила я и села. Из кресла я могла хоть немного разглядеть свою собеседницу.

Я отметила, что Альбина одета в деловой костюм, но под ним – не строгая блузка, а довольно легкомысленная маечка. На указательном пальце правой руки я увидела замысловатый перстень: серебряного ягуара, растянувшегося на плоском голубом камне. Пока Альбина Николаевна разговаривала по телефону, я разглядывала деревянную этажерку, стоящую рядом с моим креслом, – на ней покоились толстые, аккуратно сложенные фотоальбомы, стояли сувениры и множество фотографий в рамках. Мое внимание привлекла фотография улыбающегося в объектив мужчины – симпатичного и загорелого, в белой майке и темных очках, поднятых на лоб. Он был запечатлен сидящим в уличном кафе, перед ним на столике стоял бокал красного вина. Позади мужчины

высился маяк и блестело под яркими лучами солнца море. Маяк и вообще это место показалось мне смутно знакомым. Я напрягла память, но Альбина Николаевна меня опередила:

– Это Стасик, Станислав Александрович, наш выпускник, – с гордостью в голосе произнесла она, – уехал жить в Грецию в прошлом году. Из какой депрессии мы его вытащили, вы бы знали...

Да, точно, я вспомнила это место – Греция, остров Крит, набережная Ханьи.

Выглядел Стасик абсолютно счастливым.

Альбина Николаевна закончила свои переговоры и сосредоточила свое внимание на мне. Пару секунд она меня внимательно разглядывала, после чего спросила:

– Чем вас угостить? Кофе с ликером подойдет?

Я неловко улыбнулась и кивнула. Хотя сейчас много бы отдала за приличную дозу хорошего коньяка, потому как волнение во мне нарастало с каждой минутой, и я очень нуждалась в том, чтобы приглушить зазвеневшие нервы. Альбина Николаевна словно услышала мой внутренний монолог, потому что оторвалась от шкафчика, из которого собиралась, видимо, достать угощение, и сказала:

– А ликер кончился, прошу извинить. Но есть хороший коньяк.

С этими словами она достала начатую бутылку «Марте-ля», вопросительно приподняла брови и, дождавшись моей одобрительной улыбки, поставила ее на столик. Пока кофе-

машина готовила напиток, она распечатала коробку курабье. Когда все было готово, Альбина Николаевна расположилась в кресле напротив меня и посмотрела мне прямо в глаза долгим изучающим взглядом. Я смутилась, под ее немигающим взором – именно такое словосочетание стоило бы здесь употребить, внутри у меня все сжалось, по телу побежали мурашки.

– Не волнуйтесь, здесь друзья, здесь вам не причинят вреда, – сказала она. – Как мне вас называть?

– Любовь Николаевна, Люба... Меня зовут Люба, – окончательно определилась я.

– Меня вы тоже можете называть без отчества. Просто Альбина.

Женщина отпила маленький глоток коньяка, и я, почувствовав, что теперь мне тоже можно, сделала глоток. Я очень старалась сделать маленький, но не получилось, и напиток мгновенно начал свое магическое действие. Сосуды расширились, внутренний комок разжался.

– Расскажите мне о себе, – предложила Альбина. – Что привело вас к нам?

Она протянула ко мне руку, положила тонкие пальцы на мои и легонько их погладила. А потом сказала:

– Не стесняйтесь, расскажите, выпейте еще коньяку, согласитесь, он прекрасен.

Она отхлебнула еще капельку, я постаралась сделать то же самое, но глоток опять получился большим, и мой бокал

опустел. Я виновато посмотрела на доньшко и откашлялась.

– Потеря, – наконец решила я, – вот что меня привело к вам. Много лет назад со мной произошло несчастье, и с тех пор моя жизнь потеряла всякий смысл.

Альбина сменила позу в своем удобном кресле, спина ее напряглась, она подалась ко мне всем телом, и мне показалось, что дыхание ее в предвкушении моего рассказа участилось. Ноздри пришли в движение, что выдало ее волнение, взгляд из мягкого и сочувствующего вдруг сделался пронзительным, она как будто пригвоздила меня к креслу, как беззащитную пойманную бабочку, которую готовят сделать экспонатом коллекции. Мне стало страшно, и по спине пробежала змейка, но я отметила это свое состояние с каким-то мазохистским удовольствием.

– Вы потеряли что-то очень важное? Ребенка? – предположила Альбина.

– Нет, я потеряла профессию, – тихо ответила я, – но вместе с ней потеряла себя.

Я видела, как Альбина насторожилась, и мне показалось, что в ее глазах мелькнуло мимолетное разочарование. Неужели я не оправдала ее надежд? Потерять профессию! Тоже мне, беда. Профессий много, в течение жизни многие люди меняют профессию, и бывает, что даже не по одному разу, и не делают из этого никакой трагедии. Тем более я женщина. Для женщины есть вещи поважнее какой-то там профессии – материнство, например. От мыслей, мгновен-

но промелькнувших в голове, мне вдруг стало не по себе. Первое, что предположила Альбина, – это потерю ребенка. По сравнению с трагедией такого масштаба мой случай покажется ей блажью дамочки, снедаемой непомерной гордыней. И ведь она отчасти будет права. Правильно ли я сделала, что пришла сюда? Хотя какое значение имеет само событие, повергнувшее человека в пропасть отчаяния? Кто-то более сильный и цельный, чем я, возможно, пережил бы и куда более страшные события и не сломался бы. А я вот не смогла. Так какая разница, что именно стало причиной моего состояния? Какое именно событие опустило меня на дно пропасти? Факт тот, что я на дне. И пришла, чтобы попробовать с него подняться. Альбина будто прочитала мои мысли.

– Если вам трудно, вы можете не рассказывать мне сейчас все подробности, но я должна знать канву тех событий, которые положили начало вашему состоянию. Мне нужно понимать, что именно с вами произошло. Подробности можете пока опустить.

– От этого зависит, в какой группе я буду заниматься, да? – предположила я, чтобы на минуту оттянуть момент начала рассказа. – У вас разный подход к людям с разными проблемами?

– Может быть, вам это покажется странным, но подход у нас ко всем один, – спокойно ответила Альбина. – У нас вместе занимаются люди, пережившие совершенно не похожие жизненные драмы. Какими бы ни были внешние собы-

тия, через которые им пришлось пройти, причины депрессии, подавленности, неспособности пережить и смириться всегда одни и те же. И они кроются внутри человека. Внешние факторы не имеют к ним никакого отношения.

Я ничего не ответила, потому что никакого мнения на этот счет у меня не было. Я просто рассказала Альбине о событии, которое произошло со мной много лет назад, и о том влиянии, которое оно оказало на всю мою дальнейшую жизнь, о безуспешных попытках бороться и заново обрести себя. Закончила я на своей текущей проблеме – алкоголизме, который засасывает меня, не принося никакого существенного облегчения. Я думала, что после моего признания Альбина смутится, что предложила мне коньяк, но она поступила вопреки моим ожиданиям.

– В том, что вы пьете, нет ничего страшного, – сказала она, – это всего лишь ваша реакция. Вы пытаетесь защититься и, пока другой защиты у вашей психики нет, используете тот эффект, который дает вам алкоголь.

Как будто в подтверждение своих слов, Альбина налила в мой пузатый бокал хорошую порцию «Мартеля», за что я исполнилась к ней невероятной благодарностью. Я вдруг ощутила, что меня здесь не собираются учить тому, что я знаю и без них. Не пей, это плохо. Будь сильнее обстоятельств, потому что так надо. Меня не будут насиловать, не будут подавлять еще сильнее. Я выпила весь коньяк без остатка и почувствовала, что непременно останусь здесь.

– Вы сможете мне помочь? – спросила я.

– Конечно, мы всем помогаем, – уверенно ответила Альбина Николаевна.

– И мой случай не кажется вам безнадежным?

Она улыбнулась, встала с места, подошла к этажерке, которая уже привлекла мое внимание, стала перебирать какие-то альбомы.

– Нет, это не здесь, – буркнула себе под нос и шагнула к письменному столу, выдвинула ящик, пошуршала бумагами.

– Вот, – сказала она, протягивая мне фотографию какой-то женщины, – это Лерочка Авдеева. Ее история – не секрет. Могу рассказать. Лерочка долго не могла родить, но очень мечтала о ребенке. А когда наконец родился первенец, оказалось, что у малыша редкое генетическое заболевание, так называемый несовершенный остеогенез. Это тяжелая патология опорно-двигательного аппарата, при которой наблюдается уменьшение массы костей и их ломкость. Вы не представляете себе, что пережила эта женщина! Видеть, как долгожданный ребенок страдает от невыносимых мук, каждый день наблюдать его уродство, бояться прикоснуться к нему, чтобы не сломать косточку...

Мне стало не по себе, я невольно отпрянула и отвернулась, будто Альбина показывала мне фотографии несчастного малыша.

– Страдания Лерочки были безграничны, но она боролась изо всех сил, хотя никакой надежды на успех не было. Пока

ее мать, ее собственная мать, не задушила ребенка подушкой.

– Как?! – вскрикнула я. – Как такое могло быть?!

– Не хотела, чтобы дочь дальше мучилась, хотела спасти от страданий и ее, и обреченного ребенка.

– И что потом?

– Бабушку посадили, – продолжала Альбина, – небольшой какой-то дали срок, но в зоне она умерла от инсульта. А ведь очень сильная и успешная была женщина, банкирша, между прочим. И вот Лерочка пришла к нам. Еле живая, честно говоря. Весила сорок восемь килограммов при росте сто семьдесят. Кожа да кости.

Альбина вздохнула долгим, протяжным вздохом, а я уставилась на фотографию, которую она передала мне. На ней были изображены приятная женщина лет тридцати пяти и мальчуган в красной бейсболке с надписью «Парк Аventura». Они были сняты на легкоузнаваемом фоне знаменитого испанского парка развлечений. Если то, что пришлось пережить Лерочке, и было правдой, то по ее внешнему виду угадать это было совершенно невозможно. У нее был очень здоровый и жизнерадостный вид, казалось, она дышала счастьем, обнимая мальчика за плечи.

– А кто этот мальчик? – не удержалась я.

– Это Лерочкин сын, – ответила Альбина, – не родной, конечно. После того, что произошло, она уже боялась рожать, все-таки генетические патологии... Сами понимаете, ни от

чего нельзя быть застрахованным в будущем. Этого мальчишку она усыновила, он полюбил ее как родную мать.

– А где она сейчас?

– Живет полной жизнью, – изрекла Альбина, интонацией дав понять, что на этом закончила экскурс в прошлое, равно как и рассказ о чужой жизни. – Но давайте вернемся к вам. Вы серьезно настроены?

– В каком смысле? – не поняла я.

Она снова присела в кресло и посмотрела мне прямо в глаза очень долгим, внимательным взглядом.

– Поймите, Люба, обращаясь к нам, вы принимаете очень серьезное решение, – сказала она. – Мы не берем скучающих дамочек, которые хотят полюбопытствовать, чем мы тут занимаемся. Мы не берем тех, кто мается от безделья и лени. Более того, как правило, мы не берем тех, в ком чувствуем потенциальную способность справиться со своей проблемой самостоятельно. Мы занимаемся только с теми, кто пытался самостоятельно решить проблему, но не преуспел в этом. У нас есть и облегченный курс – он для тех, кто нуждается в повышении самооценки, в приобретении навыков общения с людьми на работе, в бизнесе или в семье. Это курсы коррекции, и этими нашими клиентами занимаюсь не я. Что касается вас, то ваша проблема, насколько я поняла, послужила почвой для многолетней неудовлетворенности жизнью, то есть это проблема хроническая.

– Все даже хуже, чем вы говорите, – горько усмехнулась

я. – Вы выразились по моему поводу очень мягко.

– Да, но мы друг друга поняли, – продолжала Альбина Николаевна. – Вам требуется помощь особого рода, и у нас собраны специалисты, которые занимаются именно такими сложными проблемами. Вы должны понять главное: если вы доверяете нам решение своей проблемы, вы должны полностью выключиться из обсуждения методов этой помощи. Вы просто говорите «да», и на этом ваше участие заканчивается. Дальше начинается наша работа. Ваша задача состоит в том, чтобы безоговорочно слушаться вашего наставника. Ни в чем ему не перечить. Не спорить. Ни о чем не думать. Вам нужно будет полностью ему довериться и шаг за шагом выполнять абсолютно все задания. Вы не должны ничему удивляться, даже если что-то покажется вам странным или вызывающим. Если вы готовы, вы должны будете пройти тесты и подписать документ, подтверждающий ваше согласие.

– Когда можно будет пройти эти тесты?

– Сейчас заканчивается формирование группы, в которую вы еще можете войти, в ней, если не ошибаюсь, осталось два места. Приходите завтра к одиннадцати утра. Позвоните в дверь, назовете свою фамилию, и вас проводят к тому, кто будет завтра вами заниматься. Если вы успешно пройдете тестирование, вам будет предложено заключить договор. После внесения оплаты вы сможете приступить к занятиям. Курс начнется с понедельника, когда группа будет окончательно сформирована. Вам все понятно? Вам известна сто-

имость наших услуг?

– Нет, но это не имеет значения, – поспешила ответить я, – я буду заниматься в любом случае.

– Хорошо, мне нравится ваш настрой, Люба, – улыбнулась Альбина, поднимаясь с кресла. – Приходите завтра к одиннадцати. И помните, что ваша дальнейшая судьба теперь зависит от того, насколько способной ученицей вы окажетесь.

Я что-то пролепетала в ответ и стала пятиться к выходу. В кабинете Альбины мне вдруг стало жарко и тесно. Кровь прилила к голове, в висках застучало, и мне срочно захотелось на воздух. Альбина Николаевна явно собиралась проводить меня до дверей, но внезапно у нее зазвонил городской телефон, и я, обрадованная этим обстоятельством, уверила ее, что помню дорогу к вестибюлю, и буквально вывалилась в коридор.

Привалившись к стене, я наконец вздохнула свободно и поняла, отчего мне показалось так тесно в Альбинином кабинете. Сначала она произвела на меня впечатление вполне обычной женщины, и она занимала ровно столько места, сколько занимает обычный человек. Но с каждой минутой Альбина как будто раздувалась или распухала, вернее, раздувалось некое пространство вокруг нее. Не аура, нет. Аурой мне представлялось что-то такое особенное, какое-то сияние вокруг личности. А Альбина казалась обычным человеком, однако пространство вокруг нее медленно, но неумолимо заполнялось какими-то подвластными только ей особыми то-

ками. И в последние минуты моего пребывания в ее кабинете, когда она говорила о важности моего доверия и послушания, у меня возникло четкое ощущение, что Альбина заполнила собою все пространство. Оказавшись через дверь от нее, я вздохнула свободнее, хотя и отметила, что мое дыхание до сих пор сильно учащено. По дороге к вестибюлю, в коридоре, где слышны были лишь мои осторожные шаги, у меня слегка кружилась голова. По мере приближения к главному входу тишина таяла, до меня донеслись приглушенные голоса. Оказалось, в гардеробе собралась публика, люди развешивали свою одежду, две женщины причесывались у большого настенного зеркала под часами. Я замедлила шаг, чтобы иметь хотя бы две дополнительные минуты на разглядывание здешней публики. В гардеробе было несколько человек. Двое мужчин уже повесили свою одежду и тихо переговаривались, не глядя друг на друга. Мне показалось, что их взгляды были устремлены на женщину лет тридцати, которая в этот момент устраивала на вешалке свое пальто и одновременно разговаривала по телефону, прижав трубку к уху плечом. Женщина была в обтягивающих черных джинсах, украшенных черными мерцающими камешками, и майке с глубоким вырезом. Длинные гладкие темные волосы спадали ей на плечи. Она убрала телефон в сумку, повернулась ко мне лицом, и даже у меня перехватило дыхание, так она была хороша. Трудно сказать, чем именно, но мужчины, видимо, имели ответ на этот вопрос, потому что дружно повернули

головы в ее сторону и продолжали свой разговор, не спуская с нее глаз. Публика показалась мне очень приличной. Участники курсов разговаривали тихо, были хорошо одеты. Я замешкалась перед гардеробом якобы в поисках телефона и отметила, что посетители здесь – разных возрастов: двое плотоядно глазающих мужчин были явно за сорок, дама, до сих пор стоящая у зеркала, давно разменяла пятый десяток. Навстречу мне из гардеробной двигалась группа из двух молоденьких девушек и парня лет тридцати. Дальнейшее разглядывание незнакомых людей было бы уже неприлично, и я проследовала к вешалке, на которой оставила свою куртку. В это время входная дверь открылась, и в холл вошли еще несколько человек. Какая-то мысль беспокойно закопошилась в моей голове, но я не могла ухватить ее. Стоило только ей подобраться, как мое внимание на что-то отвлекалось, и мысль ускользала, так и не давая мне ее додумать. Тем временем послышался звук открываемой двери, и люди дружно подняли головы вверх. Я поняла, что их приглашают к началу занятий. Как бы мною ни владело любопытство, мне оставалось ретироваться. Я открыла входную дверь, и в лицо мне посыпались колючие снежинки.

– Подождите минутку, не закрывайте дверь, – послышался мужской голос откуда-то сбоку.

Я обернулась – и вздрогнула, потому что обратившийся ко мне парень оказался совсем рядом, ближе, чем я могла себе представить по голосу. Я передала ему дверь из рук в руки,

и на какое-то мгновение он задержался возле меня. Поблагодарил и улыбнулся.

У него была внешность павшего ангела. Узкое тонкое лицо, обрамленное длинными темно-русыми волосами, пронзительные глаза. Иконописная правильность в этом лице каким-то непостижимым образом сочеталась с откровенной, смущающей чувственностью. Под его взглядом я на миг оторопела, и как только он перехватил у меня входную дверь, снова вцепилась в нее. Не удержалась и заглянула внутрь. Мне было интересно, побежит ли опоздавший парень вслед за своей группой наверх. Но нет, он, не раздеваясь, направился налево по коридору, в ту сторону, откуда несколько минут назад вернулась я.

«Он-то что здесь делает?» – мелькнуло у меня в голове, и в ту же секунду мысль, которая от меня ускользала, вдруг оформилась сама собой. Я поняла, что мне показалось странным в посетителях особняка. Никто из них не походил на человека, сломленного жизнью. Альбина сказала, что к ним приходят люди с серьезными проблемами, взять хоть бы ту же Лерочку, о которой она рассказывала. Но посетители производили впечатление обычных людей, вполне себе бодрых и в хорошем настроении. Странно. С другой стороны, я ведь, наверное, тоже со стороны произвожу впечатление женщины, довольной жизнью. По мне, наверное, тоже не скажешь, что я жалкая алкоголичка, давно потерявшая всякий смысл существования. Да, скорее всего, это так. Выходя

со двора, я была абсолютно уверена в том, что завтра вернусь сюда снова.

– Даже если какие-то вопросы покажутся вам странными, вы должны постараться на них ответить, и ответить предельно честно. От этого зависит, насколько эффективным будет наше сотрудничество, сумеем ли мы вам помочь. Вы ведь никогда не соврете своему врачу, правда? Так же и здесь. Предельная откровенность – обязательное условие. Если на какой-то вопрос вы все-таки не захотите отвечать или не сможете ответить, пометьте его, но ни в коем случае не обманывайте. Ваша анкета является абсолютно закрытым документом, к ней будет иметь доступ только наставник, который будет заниматься непосредственно с вами. Ни другие участники группы, ни какие бы то ни было иные лица не смогут увидеть заполненную анкету.

– Заполнив эту анкету, я автоматически становлюсь вашим клиентом? Или у вас будет право не принять меня в группу?

– Я понимаю резонность вашего вопроса. Вы уже сейчас являетесь нашим клиентом, вы им стали с того момента, когда приняли решение. Внесение оплаты и подписание договора – это формальности. Считайте, что мы уже начали с вами работать. И главное условие нашей совместной работы – это полное доверие. Вы согласны со мной?

– Да, я согласна.

– Отлично, тогда я уступаю вам место за компьютером. Вы будете заполнять анкету в электронном виде. Опросник составлен таким образом, что некоторые вопросы зависят от ответов, данных вами на предыдущие вопросы.

Напротив меня за столом, как учитель перед учеником, сидела высокая молодая женщина с прямой как палка спиной, назвавшаяся Ириной. Голос у нее был механический, и под ее взглядом мне стало как-то не по себе. Не успев ответить ни на один вопрос, я уже как будто дала себя раздеть и даже внимательно разглядеть.

– Я оставлю вас одну на час. Этого времени вполне достаточно, чтобы внимательно изучить и заполнить анкету. Через час назначено другому клиенту, так что постарайтесь уложиться.

С этими словами Ирина встала из-за стола и, не взглянув на меня, вышла из кабинета.

Только теперь я обратила внимание, что заведение, в которое я попала, называется «Центр психологической поддержки». Первые разделы были традиционными: семейное положение, вероисповедание, образование, профессия. Далее шел раздел «финансовый статус». Под этим подразумевалось, сколько зарабатывает мой муж, какими суммами я располагаю на личные нужды, имею ли собственные сбережения, недвижимость и иное имущество, имею ли родственников, могущих оставить мне наследство. Дальше мне необходимо было описать состояние здоровья, упомянуть об

имеющихся хронических заболеваний и перенесенных операциях. На вопрос, касающийся употребления алкоголя, я ответила честно, и мне высыпалось сразу несколько уточняющих вопросов: о том, в каких обстоятельствах у меня появляется желание выпить, о суточных дозах и тому подобное. Далее меня ждали вполне невинные вопросы о том, какие виды отдыха я предпочитаю, какие смотрю фильмы и читаю книги. Минут пятнадцать у меня ушло на то, чтобы предоставить абсолютно посторонним людям полную информацию о своей жизни. Следующий раздел вопросов касался моей личной и половой жизни. Какое количество половых партнеров у меня было, испытываю ли я оргазм, занималась (занимаюсь) ли мастурбацией, имею ли опыт однополых отношений, имеют ли место в моих эротических фантазиях сцены насилия. Дальше следовали вопросы, казалось, не объединенные какой-то общей темой. Например, приходилось ли мне испытывать удовольствие от унижения другого человека, испытываю ли я чувство зависти, случалось ли мне лгать, красть, клеветать. Считаю ли я месть сладким чувством. Принимала ли я когда-либо участие в оккультных организациях, умею ли я гадать на картах, верю ли в сверхъестественные способности человека...

Мне казалось, что этому списку не будет конца. Я посмотрела на часы: с того момента, когда меня оставили одну, прошло 55 минут. Я подумала, что у меня осталось совсем мало времени, и в этот момент список вопросов закончился. Зна-

чит, составители анкеты примерно рассчитали, сколько времени требуется человеку на то, чтобы пройти весь предложенный путь. Закончив работу, я почувствовала себя совершенно опустошенной, будто вывернутой наизнанку. Болела спина, кружилась голова, очень хотелось прилечь и закрыть глаза. Еще больше хотелось выпить. Я уже мысленно представила себе большой искристый бокал шампанского, когда дверь открылась, вошла прямая как палка Ирина и своим механическим голосом спросила:

– Вы закончили?

Я кивнула и встала из-за компьютера. Ирина одобрительно улыбнулась и взяла меня под руку.

– Сейчас я провожу вас к Альбине Николаевне, вы подпишете договор и узнаете свое расписание, если его уже составили.

– Я знаю, как пройти к Альбине Николаевне, помню дорогу в кабинет, спасибо. – Я решила отказаться от провожания.

– Ну что ж, хорошо, – согласилась девушка, – тогда идите к ней, она вас ждет.

Я вышла в коридор, огляделась по сторонам. От входа по темному из-за пасмурного дня коридору шел давешний парень. Мне нужно было в противоположную сторону, но я не могла пошевелиться, как будто приросла к месту. Еще секунда промедления, и ситуация станет неловкой. Зачем я его поджидаю? Я начала разворачиваться, когда раздался его голос:

– Здравствуйте, – сказал он. – Вы сюда или отсюда?

Он улыбнулся и сопроводил свой вопрос жестом.

– Отсюда, – ответила я, и в ту же минуту дверь открылась, и Ирина пригласила молодого человека войти. Она сказала только «прошу вас», и я так и не узнала в тот день его имени. Впрочем, теперь это был уже вопрос времени – длинноволосый парень тоже пришел на анкетирование, из чего я сделала вывод, что заниматься мы с ним будем, скорее всего, в одной группе.

В тот день я посетила Альбину Николаевну, подписала договор, заодно узнав, что курс, который я буду проходить, называется «Белая лилия». Или так называлась организация, которая предоставляла услуги? В тот момент это было для меня не важно. Я внесла в кассу весьма приличную сумму за свой «курс психологической поддержки», как тренинг назывался в официальном документе, после чего мне было велено ждать эсэмэс-сообщения, в котором меня уведомят о дате и времени первого занятия. Кроме договора, я подписала бумагу о сохранении конфиденциальности, в которой гарантировала неразглашение способов и методик оказания мне психологической помощи в обмен на гарантию сохранить в полной тайне данные моего анкетирования.

Меня предупредили, что ждать начала занятий придется несколько дней, и я обдумывала, как их провести. Очень хотелось рассказать обо всем Максиму, но что-то меня останавливало. В последний раз, когда он предлагал мне како-

го-то очередного маститого специалиста, у нас вышла сцена. Помню, что я была уже не очень трезва и на его предложение выпалила со злостью:

– Это специалист по возвращению голоса? Он знает, как восстановить голос и гарантирует результат?

– Любочка, ты же знаешь, что причина потери голоса у тебя психологическая, а таких специалистов, как ты говоришь, просто не существует.

– Тогда зачем я буду к нему ходить? – прошипела я. – Чтобы он рассказывал мне, как прекрасно можно прожить и без голоса? Что другие живут без сцены и не умирают? Это он мне будет рассказывать за большие деньги, которые ты ему дашь? Так это я знаю и без него. Я без специалиста знаю, что миллионы людей прекрасно живут без сцены. Но я не отношусь к этим миллионам! Понятно?

После этого монолога меня стали душить слезы, и я убежала к себе в комнату, где сразу же, не мешкая, выпила залпом сто пятьдесят граммов коньяка. Потом я долго плакала, пила, опять плакала. Максим больше не лез ко мне в этот вечер, за что я была ему очень благодарна. С тех пор он перестал искать каких бы то ни было специалистов, и мы вообще прекратили разговаривать на эту тему. Моя депрессия стала неотъемлемой частью нашей жизни. Она жила как отдельное существо, неотступно следующее за нами повсюду. Стоило на минуту забыть о нем, расслабиться, как оно напоминало о себе и жестоко мстило: заставляло меня включить телеви-

зор, забыв про распроклятое шоу «Голос», или высказывало в Фейсбуке ссылкой на триумфальное выступление Анны Нетребко в Берлине. Существо было мстительным, бдительным и, главное, бессмертным. Как сказать Максиму, что я загорелась идеей осуществить еще одну попытку? Почему я пренебрегла его предложением – и откликнулась на рассказ давней знакомой? Это только один вопрос, и не самый главный. Моя затея может обернуться полным провалом. Зачем подавать Максиму надежду, которая, вполне возможно, никогда не осуществится? Я замыслила убить существо, много лет поедающее мою душу, но я ведь знаю, насколько оно мстительно и коварно. Еще не известно, как оно отреагирует на мою попытку свести с ним счеты. И я решила не забегать вперед. Если я чего-то добьюсь, пусть это будет для Максима радостным сюрпризом.

Мне захотелось встретиться с Полиной и поделиться своими новостями, но разговор у нас получился скомканным. Она одобрила мое решение, но сказала, что сейчас очень занята и сможет встретиться со мной только через несколько дней. Голос у нее был тревожный, что, в общем-то, понятно в ее обстоятельствах, но я не стала настаивать и лезть человеку в душу. Больше поделиться мне было не с кем. Я часто думала о молодом человеке, с которым столкнулась в центре, и чем больше я о нем думала, тем более странным мне казалось его появление там. Мне казалось, что такой тип молодых людей не обращается за помощью к тренерам. Я не от-

ношу себя к женщинам, часто обращающим внимание на посторонних мужчин. Более того, моя депрессия поглотила меня настолько, что я вообще перестала останавливать взгляд на мужских фигурах и лицах. Но при второй встрече с безмянным посетителем курсов даже я не могла шевельнуться, пока не разглядела его получше. Парень был высокого роста, худощав, лицо его казалось пугающе притягательным.

Женщины облизывают таких мальчиков с головы до ног, ни в чем и никогда им не отказывая. Такие исключительно редкие экземпляры годам к 20–25 окончательно превращаются в профессиональных разбивателей сердец, законченных негодяев, избалованных и самовлюбленных эгоистов. Хотя почему я решила, что людей можно вот так группировать и обобщать? Я-то что за специалист в данном вопросе?

Возбуждение нарастало во мне с каждой минутой. Была ли это надежда на выздоровление? Или ожидание скорой встречи с незнакомцем, который, чего уж лукавить, заинтересовал меня впервые за долгие годы? Тогда я думала, что имеет место отчасти и то и другое. Мне стали сниться необычные сны. Во мне зарождалось и крепло предчувствие чего-то большого и грозного, способного перевернуть всю мою жизнь. Чего-то волнующего и вместе с тем опасного. Но я точно знала, что какой бы она ни была, эта опасность, я приму ее. Я положу конец бессмысленности своего существования любой ценой, даже если этой ценой будет названа сама жизнь.

Часть вторая

– Откройтесь! Вы должны открыться! Что у тебя за поза, смотри на меня и делай как я!

Голос наставника звучал властно и был, пожалуй, даже слишком громким для нашего относительно небольшого зала.

– Если бы ты не опоздала, если бы не украла этим самым драгоценное время своих коллег, ты бы слышала, что я сказал в самом начале. Но ты опоздала, ты нарушила правило. Ты украла наше время.

Девушка, успевшая побагроветь от стыда и унижения, уже готова была расплакаться, но вместо этого попыталась оправдаться:

– Простите, перед мостом была авария, образовалась такая пробка...

Тренер прервал ее на полуслове, обрушив на наши головы обертоны своего внушительного баритона:

– Меня не интересует, почему ты опоздала. Нам не нужны причины, нам важно следствие – ты нарушила правило. Ты украла наше время. И запомни, ты и все остальные: вы не имеете права говорить без моего разрешения. Я говорю – вы слушаете. Я спрашиваю – вы отвечаете. Не спрашиваю – молчите. Кто-то хочет уйти? Пока еще не поздно. Пока не поздно признаться всем, что ты слабак, ничтожество и не мо-

жешь подчиняться правилам. Все остаются? Тогда слушайте меня.

Наставник сел за свой стол, снял очки в модной оправе, потер переносицу, дав нам мгновение, чтобы подготовиться.

– То, что я буду говорить, важно для вас. Вы должны слушать и запоминать каждое мое слово. Думать над каждым моим словом и принимать его как истину. Не пытайтесь выяснить, как называется методика, по которой проводятся наши курсы. Не пытайтесь сравнить ее с другими известными методиками. Это не «Лайфспринг», не «Роза мира» и ничто другое, известное другим людям, информацию о чем вы можете встретить в открытых источниках. Вы можете найти какое-то сходство с уже описанными методами групповой психотерапии, но это будут обманчивые и в конечном счете ошибочные выводы. Вы – приобретатели уникальной методики, аналогов которой нет ни в Йельском университете, ни где бы то ни было еще. Не старайтесь проводить параллели, не тратьте свои внутренние силы на это бессмысленное занятие. Перед нами стоят очень важные задачи, и, чтобы достичь цели, вам нужно полностью мне довериться. Отныне я ваш наставник и проводник в другой мир. В тот мир, где вы познаете, что такое истинная гармония. В тот мир, где вы будете самостоятельно вершить свою судьбу, и никто не сможет вам помешать. В мир, где ваша личная свобода станет ценностью, на которую никто не сможет покушаться. В этом мире вы станете недостижимы для завистни-

ков, недоброжелателей, изменников, предателей и всех, кто желает вам зла. Этот мир находится далеко за пределами их понимания, далеко за пределами их воздействия. Получив новые знания, вы подниметесь на вершину, недоступную простым смертным. Все, кто еще вчера имел влияние на вашу жизнь, мог управлять ею, распоряжаться ею, все, кто мог причинить вам боль и страдание, останутся у подножия. Их невежество, их темнота, покорность предрассудкам, рабство, которого они даже не осознают, не позволят им даже приблизиться к подножию той горы, на которую вам предстоит совершить восхождение. Вместе со мной вы преодолеете сложный путь. На каких-то участках он может показаться вам слишком трудным, вас будут одолевать сомнения и страхи, вы испытаете стыд и унижение. Но это необходимая часть пути. Каждый из вас обладает личностью и обладает сущностью. Личность – это то, что сформировалось в вас под влиянием внешних факторов: воспитания, образования, среды, в которой вы росли, работали и жили до сих пор. Личность затмевает сущность человека, не дает ей свободно развиваться, не дает свободно дышать. Она заставляет вашу сущность молчать, она делает ее покорной рабыней предрассудков, норм и правил, принятых в обществе. Она делает вашу сущность рабыней, бесправной и безмолвной, страдающей и вынужденной молчать о своем страдании. И рано или поздно сущность человека начинает бунтовать, рваться на свободу, просить воли, просить жизни!

Голос наставника звучал как будто сам по себе, заполняя все пространство зала. Мне казалось, что я перестала дышать.

– И вот когда это происходит, с человеком случается то, что мы называем кризисом личности. На самом деле кризис личности – это победа внешнего мира над внутренней сущностью человека. Порабощение этой сущности, подавление ее, а в самых тяжелых случаях – полное уничтожение. Мы должны решить нелегкую задачу. Выявить личность, отделить ее от сущности и обеспечить сущности безоговорочную победу. Мы должны стереть личность с лица земли. Мы должны заставить ее слушаться и покоряться сущности, заложенной в нас создателем. Нам предстоит разобрать себя на кубики и потом собрать заново. И то, что мы соберем, то, что получится, и будет суть того, что сотворил создатель и что уже не сможет испортить ни один смертный. Вам будет трудно, вы испытаете сильные эмоции, вы пройдете своего рода чистилище, вы будете растеряны и испуганы. Но не поддавайтесь слабости. Те, кто пройдет весь путь от начала и до конца, получат бесценное сокровище – свою свободную сущность. И покорную ей счастливую личность. Вы обретете силу и независимость. Независимость от других людей и обстоятельств жизни. Вы будете управлять своей жизнью. Преодолев восхождение, вы окажетесь на вершине, откуда вам откроется мир во всем многообразии его возможностей. Наградой за ваши труды станет счастье. Полное, всеобъемлю-

щее счастье. Я думаю, чтобы получить такую награду, стоит немного потрудиться.

На этих словах тренер впервые улыбнулся нам. Он посидел несколько секунд молча, обводя взглядом всех присутствующих, потом встал, подошел к доске, взял в руку мел.

– Первый этап нашего пути будет самым сложным. Мы назовем его «Разрушение».

Стуча кусочком мела по доске, он вывел крупными буквами это слово.

– Представим, что жизнь человека – это колода карт. У человека, испытывающего стресс, чувствующего себя несчастливым, карты в колоде лежат неправильно. Мы не можем наугад перекладывать их с места на место. Если мы будем так делать, мы рискуем допустить массу ошибок, ведь мы будем действовать вслепую, не зная, как правильно, не зная, как именно должны быть расположены карты, чтобы пасьянс жизни сошелся идеально верно. И пока мы будем примерять разные комбинации, располагать карты в разном порядке и последовательности, может наступить страшное. В слепых поисках правильной последовательности человек может погубить себя. В том числе и в самом прямом, физиологическом смысле этого слова. Мы должны быть уверены, что не подвергнем свои сущности еще большим испытаниям, чем те, что уже выпали на их долю. Мы должны разрушить неправильно собранный карточный домик. Мы должны смешать всю колоду! Уничтожить все связи между отдельными кар-

тами. Мы должны своими руками сотворить хаос. И из этого хаоса мы должны будем извлечь одну-единственную драгоценную жемчужину – нашу сущность.

Тренер замер и на секунду замолчал.

– Это будет крошечная песчинка, – возвестил он, выставив вперед руку со сведенными большим и указательным пальцами, – одна малая песчинка. Но она бесценна. Из этой песчинки должен будет родиться свободный человек. Поэтому второй этап наших занятий мы назовем «Чистый лист».

Он снова повернулся к доске и начертил мелом эти два слова.

– Чистым листом будет каждый из вас. Вы можете представить себе что угодно. Например, пустыню, бесплодную и бесконечную. Или девственно чистый холст. Только осознав себя в этой ипостаси, приняв пустоту, незаполненность, девственность, мы сможем начать строить себя заново. Мы не можем написать картину на уже имеющемся пейзаже, не так ли? Чтобы можно было сделать первый мазок, холст должен быть чист. Это очень важное состояние, мы зафиксируем его, осознаем, почувствуем на вкус и запах. И только поняв и приняв его, мы будем готовы к тому, чтобы начать восхождение. Когда мы освободимся от груза, от всего ненужного, всего лишнего, нам станет легче идти. Согласитесь, подниматься в гору, волоча за собой тонну ненужного хлама, не просто тяжело. Это мучительно и, главное, бессмысленно. Мы пойдем к вершине налегке. Вам ничто не будет мешать,

ваши шаги станут уверенными, и вы будете ступать твердо. С каждым шагом вы начнете наливаться силой и энергией. Вы познаете себя, а значит, вы познаете суть вещей. Вы познаете суть жизни человеческой. И с этим знанием вы легко преодолеете последние, самые важные ступени. И этот период будет называться «Восхождением».

С этой минуты вы вступаете на дорогу, которая приведет вас к другой жизни. Вы поймете, насколько несовершенен мир и люди, в нем живущие. Вам откроются многие истины, о которых вы раньше не задумывались. Вы станете другими людьми, более совершенными, чем все те, кто вас окружает. Чтобы получить заветную награду, вы должны ступать туда, куда я вам укажу. Каждый ваш шаг имеет огромное значение. От каждого шага зависит успех всего задуманного. Готовы ли вы доверить мне миссию вашего проводника? Да или нет?

– Да. – Хор голосов прозвучал почти в унисон.

– Готовы ли вы безоговорочно слушаться меня, выполнять все задания и ни в чем не сомневаться?

– Да, – повторили мы все.

– Называйте меня учитель, – продолжал тренер, – отвечайте мне: да, учитель.

– Да, учитель, – дружно повторили двенадцать голосов.

– Хорошо, – заключил тренер и снова сел за свой стол, – отныне вы, моя паства, и я отвечаю за вас. Делайте все, что я вам скажу, и награда, которую вы получите, будет бесценной.

– Да, учитель, – снова ответили мы своему гуру.

Выглядел тренер внушительно. Это был рослый, не ниже 190 сантиметров, крупный мужчина. Темные, слегка выющиеся волосы были коротко подстрижены и тщательно приглажены. На нем был безупречный черный трикотажный кардиган, такого же цвета водолазка и светло-песочные брюки. Черты лица казались строгими: прямой крупный нос, жесткая складка рта, тяжелый подбородок. С первой минуты он внушил мне такой трепет, а скорее даже страх, что я чувствовала, будто перед учителем в «открытой» позе сидит просто некая взволнованная мадам, а я сама сжалась в невидимый глазу микроскопический комочек и прилипла к потолку где-то на безопасном расстоянии. Когда я в первый раз встретила с ним взглядом, он обжег меня до костного мозга, а по спине пробежал холодок. Я с ужасом думала, что этот человек будет обращаться ко мне, давать какие-то задания, возможно, отчитывать за что-то, хотя такую возможность мне не хотелось себе даже представлять. Голос учителя был поставлен идеально, речь его была правильной и выразительной. Закончив предварительную часть, он обвел всех нас взглядом.

В зале находилось десять человек, пятеро мужчин и пять женщин. Насчет длинноволосого парня я оказалась права – он попал в ту же группу, что и я, остальных на первом занятии удалось разглядеть только очень бегло. Когда мне предстоит запомнить в лицо за один раз больше двух человек, я

использую простой прием: выделяю в человеке какую-то самую бросающуюся в глаза черту и даю ему прозвище. Ученица, получившая выволочку за опоздание, была молодой толенькой девушкой с большими перепуганными глазами. Она вжалась в сиденье своего стула и, казалось, боялась даже дышать. Ее я прозвала Школьницей. Еще одна женщина была постарше, за тридцать. У нее была нарушена естественность мимики лица из-за губ, накачанных силиконом. Стройная и элегантно одетая, она, наверное, была бы милашкой, если бы не безобразно раздутый, неестественной формы рот. Ей досталось безжалостное определение Силиконовой Куклы. Следующей по возрасту была женщина за сорок с длинными тонкими волосами и очень близко посаженными глазами. У нее был высокий, тонкий и визгливый голос. Перед началом занятий она говорила с кем-то по телефону на повышенных тонах, и я окрестила ее Истеричкой. Последняя из присутствующих дам производила наиболее сильное впечатление даже с первого взгляда. На вид ей было около шестидесяти, и внешне она напоминала актрису Элину Быстрицкую: такое же чистое, правильное, красивое лицо, царственная осанка, собранные в пучок гладкие черные волосы. Эта женщина ни на кого не смотрела и не произнесла в моем присутствии ни слова. Вид у нее был очень строгий. Однако с ним несколько не вязался перстень, горящий огнем на безымянном пальце ее правой руки. Бриллиант так сверкал, что я невольно обратила на это внимание. Такие кольца, как правило, не носят

в повседневной жизни, если только они не представляют собой какую-то особенную семенную реликвию, с которой ее владелец не в силах расстаться ни на минуту. Серьезный, если не сказать суровый, облик женщины не давал никаких оснований для шуток, но для облегчения своего собственного восприятия я мысленно назвала ее Бриллиантовой Вдовушкой.

Парень с длинными волосами при ближайшем рассмотрении полностью разрушил первоначальное представление о себе. У него были очень внимательные, умные глаза, флер рокового сердцееда рассыпался моментально, как только я столкнулась с его пронзительным взглядом. Серьезный, умный молодой человек – таким он мне теперь казался, однако и это открытие не давало ответа на вопрос, что же он тут делает. Может быть, он журналист – мелькнула догадка – и пишет о методиках групповой психотерапии? Это объяснило бы его присутствие. Никакая кличка к нему не приклеивалась, из чего я сделала вывод, что у меня уже сложилось к нему несколько необъективное отношение. Кроме него, в группе были еще четверо мужчин. Совсем молодой парень, с которым я столкнулась перед занятием, приехавший на белом «Порше». У него были девичьи ресницы и по-детски пухлые губки, этакий светловолосый херувимчик с надутым выражением лица сам напрашивался на кличку Мажор. Прозвище Ловелас, впрочем, неизвестно еще, заслуженное ли, я дала мужчине лет сорока, который, как мне показалось, бро-

сал на меня откровенно сальные взгляды. У него были оценивающий взгляд, намечающийся второй подбородок, подчеркнутый высоким и тугим воротником водолазки, и лоснящиеся губы. Еще один персонаж явно относился к моим коллегам или товарищам по несчастью, и я прозвала его Алкоголиком. Лицо у него было приятное, даже симпатичное, но изрядно помятое, веки набрякшие, а взгляд выразительно виноватый. Когда он только появился, он жевал мятную жвачку, призванную, по всей видимости, закамуфлировать запах вчерашнего возлияния. Потом он от резинки избавился, но весь его вид с каждой минутой все красноречивее говорил о том, что ему необходимо похмелиться. Мне было его искренне жаль. Самым старшим по возрасту оказался странноватый мужчина в сером костюме и бабочке, с бородкой клинышком и слезящимися воспаленными глазами. Он был какой-то дерганый, озирался по сторонам, часто подносил к лицу носовой платок. Я назвала его Неврастеником.

– Нам с вами нужно поближе познакомиться, – возвестил учитель, – и вот как мы это сделаем. Мне тут не нужны ваши имена. Имен не будет. Ваши имена – хранители информации, накопленной вами в течение жизни. Это своего рода коды, ключи к вашим личностям. Мы должны забыть о них. Конечно, за пределами этого зала вас по-прежнему будут называть по имени, этого мы изменить не можем, но внутри нашего коллектива мы на время сотрем ваши имена, удалим их из обихода. Здесь они вам не нужны. Поэтому вы все здесь

ученики, ко мне вы будете обращаться «учитель», друга друга называть коллегами – на сегодняшний день это слово наиболее верно отражает суть ваших взаимоотношений. Итак, имена вам здесь не понадобятся, но я буду давать вам задания, в том числе и домашние, мы будем обсуждать ход их выполнения, поэтому каждому из вас я присвою своеобразный код. Мужчины будут обозначаться заглавной буквой «М», дамы – «Д». В группе пятеро мужчин и пять дам. К букве будет добавлена цифра, обозначающая участника занятий, и располагаться эти цифры будут по увеличению возраста ученика. У тебя будет код М1.

Учитель указал пальцем на Мажора. И тот, не сообразив сразу, что обращаются к нему, завертел головой.

– Я М1? – уточнил он, вскакивая с места.

– Ты, – подтвердил учитель.

Далее он поднял с места каждого, и каждому был присвоен определенный код. Мне досталось обозначение Д3, из чего я сделала вывод, что дама с накачанными губами младше меня.

Учитель встал с места, прошелся по залу, казалось, о чем-то размышляя.

– Как вам кажется, – он внезапно обернулся к нам лицом и обвел горящим взглядом аудиторию, – самоуважение – это важно?

Никто не торопился отвечать, ученики стали переглядываться, не зная, то ли вопрос был риторическим и нужно про-

должать слушать, то ли он обращен был ко всем нам и нам предстоит выразить свое мнение.

– Это не просто вопрос, – помог нам учитель, – это касается каждого. Что такое самоуважение? Это объективная оценка нами самих себя? Или это то, какими мы хотим себя видеть? Или это просто гордыня? Что такое самоуважение? И зачем оно нам? М-один, встань со своего места и подойди ко мне.

Молодой человек нехотя поднялся со своего полукресла и вышел в центр зала.

– Сейчас я дам вам первое задание, – сказал учитель, – будьте искренны и последовательны в своих суждениях. Следите за моей мыслью. Итак, я обращаюсь к тебе, ученик. Сколько тебе лет?

– Мне двадцать четыре года, – ответил Мажор, слегка покраснев.

Учитель подошел к нему и взял за руки, которые молодой человек успел скрестить перед собой.

– Ты скрестил руки, – констатировал гуру. – Почему? Ты встал в закрытую позу, хотя я призываю вас всех максимально открыться. Дай мне свои руки. Почему ты так напряжен? Ты хочешь сделать первый шаг? Кто-то должен сделать первый шаг, почему не ты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.